

184(2Рос)
К К 80

Альбина Кузьмина

Главный лесничий

Альбина Кузьмина

Главный лесничий

РАССКАЗЫ

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

Издательский дом
"ПАКРУС"

2001

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

обяза-
тельный
экз.
ХМАО

67899

84(2РосРис)Б
К ББК 84 Р7
К 89

Выражаю глубокую
признательность и благодарность
за финансовую поддержку
филиалу Нижневартовсктелекома,
АО «Хантымансийскокртелеком»
и лично ее директору –
Василию Михайловичу ЮРЧЕНКО,
ОАО «Югорская компания»
и лично ее генеральному директору –
Алексею Михайловичу БОЛДЫРЕВУ,
ФГУП «Нижневартовское авиапредприятие»
и лично ее директору –
Владимиру Григорьевичу ПЫСЕНОК,
председателю объединенного профсоюзного комитета
ОАО «Сибур –Тюмень»
Владимиру Менделеевичу ТУМАРИНСОНУ,
председателю профсоюзного комитета
ОАО «Нижневартовский газоперерабатывающий завод» –
филиалу «Сибур-Тюмень»
Сергею Михайловичу ЯКУНИНУ

Художник
Н.Г. Курач

ISBN 5-901214-30-7

© Кузьмина А.С., 2001
© Курач Н.Г. ил., 2001
© Издательский дом
«Пакрус», 2001

К 30-летию
города
НИЖНЕВАРТОВСКА

*

Посвящается
светлой памяти моей бабушки
Анастасии Николаевны
и дедушки
Сергея Петровича Захаровых,
а также моим родителям —
Феодосии Сергеевне
и Семену Аписимовичу

Альбина Кузьмина — радиожурналист, и она находится в постоянном творческом поиске. Ее интересные публицистические материалы об истории, о сегодняшней жизни края и его жителях охотно печатают в региональном журнале «Югра», всероссийском журнале «Мир Севера», газете «Литературная Россия» и других изданиях.

Многие ее радиоочерки, которые мы слышали по городскому, окружному и областному радио, отличаются высокой нравственностью, пронизаны интересом к рядовому человеку, искренностью и добротой, а это не так уж часто встречается в сегодняшней журналистике.

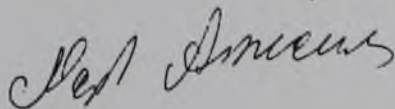
Альбина Семеновна — член Союза журналистов России, лауреат конкурса «Золотое перо просветителя», награждена грамотой Епископа Тобольской и Тюменской Епархии, неоднократная номинантка и победительница в окружных и областных конкурсах профессионального мастерства «Серебряный микрофон». Она успешно в свое время возглавила городское литературное объединение «Замысел».

Перед вами — первая авторская книга А. Кузьминой «Главный лесничий». Эти рассказы родились из личных воспоминаний и переживаний, в них много памяти и добра. Оттого так проникновенно и трепетно относится автор к своим героям, потому так бережно хранит те добрые чувства, что дороги каждому человеку. Родительская любовь и дочерняя привязанность, первая влюбленность и урок нравственности, преподанный в раннем детстве, деликатное внимание постороннего человека, глубокое горе из-за непонятого поступка, счастье от общения с природой, — каждому из нас знакомы эти переживания, а потому эти рассказы найдут путь к сердцу и взрослого, и юного читателя, их, безусловно, полюбят.

Путь в большую литературу тернист и труден. Он требует больших знаний и работы над словом.

Желаю Альбине Кузьминой доброго пути!

Член Союза
писателей России

М. Анисимкова

К моим читателям

Я смотрю на солнце и удивляюсь:
откуда в нем столько света?

Откуда такое бесконечное множество солнечных
лучей?! И всех оно обогреет, до каждого
дотянется, каждого приласкает.

Всем от солнца хоть лучик тепла —
да достанется.

Как и мне.

Мне думается, у нашего солнца большое сердце
от тысяч людей излучающих радость, и,
лучезарное, оно щедро возвращает, дарит нам
свой неугасимый свет. От этого на Планете
Земля много Добра.

Прими и ты, дорогой читатель, светлый лучик
моих добрых дел.

И я буду счастлива, что в этом мире есть мое
прикосновение!

Ваша Альбина Кузьмина

Альбина Кузьмина
г. г. Варшавы
23/02-2002

И свет звезды далекой

бабушка! Откуда на небе звезды?

— А я почему знаю.

— Ты все знаешь, скажи.

— Все знает один Бог. Он сотворил. Вот они и дарят свет людям.

— Разве от них светло?

— Звезды — вечные спутники человека. Сопровождают его всю жизнь.

— Светить — значит дарить тепло? Но они холодные.

— Это потому, что они далеко от нас. Светить — значит указывать путь, не дать сбиться с дороги. Они — наши маяки. Я думаю, они согревают души людей. Так в народе говорят.

— Почему я не вижу их днем? Они что, спят?

— Днем и ночью они горят. Только днем мы не видим их.

— Я знаю, они превращаются в м-а-а-ленькие звездочки-блестки...

— Да, моя дорогая. Надо только видеть их.

— Я вижу, бабушка! Они — в каплях дождя на листьях деревьев! Посмотри!

— В маковках храма и звоне колоколов. Погляди, как блестят.

— В утренней росе, когда я по лугу бегу? В речке и озере!

— В ромашковом молочке, которое ты пьешь по утрам.

— Бабушка! Они — всюду. И в радостном блеске моих глаз?

— Они — в тебе и во мне, в нашем древнем роду. В каждом человеке живет своя звездочка.

— Откуда ты знаешь?

— Говорят, когда-то они были людьми, а потом уже превратились в звезды...

— Ты что, разговаривала с ними?

— Я долго смотрю на них. Они сами заговаривают со мной.

— Когда я сплю?

— И когда мне бывает грустно.

- Это когда меня рядом нет?
- И тогда тоже.
- Бабушка, я обязательно буду приезжать на каникулы. А со мной они будут разговаривать?
- Как знать, паверное, очень сильно надо захотеть.
- Они долго живут на свете?
- Сколько существуют Земля и Небо.
- Бабушка, ты помнишь сказку про звезды?
- Отчего же не помнить.
- Расскажи мне, пожалуйста! Я буду хорошо тебя слушать.
- Ну да ладно. Так тому и быть. Слушай, не перебивай.

Было однажды так. Родилась на земле девочка. И называли ее Космея. Родители души в ней не чаяли. Была она дивной красоты: кожа цвета парного молока, коса русая от пшеничного колоса. Не шла, а порхала как бабочка. Светилась радостью, в маленьком сердце ее — тысячи ярких звездочек. Не зря Космеей и называли. Слово молвит — будто песню поет: стар и млад про все на свете позабудут и ну слушать. А песню запоет — птицы ей вторят.

Умной росла. Да только коротко счастье ее было. Замечать стали люди на лице девочки грусть — печаль неизбывную. И смеялась она вроде от души, и улыбалась, а тоска так и стояла в ее голубых глазах, не растворившись. И было от чего. Счастье в дом без горя не приходит.

Случилось так, что осталась она сиротиночкой — умерла мать. Отец погоревал-погоревал да и сам следом ушел. Только прежде привел в дом мачеху. Кому за малой дочкой ухаживать, как не женской душе, — так думал. Только вот сердце у мачехи оказалась колючим и руки не больно ласковы. Невзлюбила мачеха падчерицу. Не стало житья Космее.

Как-то раз, то ли ненароком, то ли в задумку, обронила мачеха иголку портняжную. Искать не стала, запомновала будто.

Ранним утречком, лишь солнышку припекать — Космея уже на погах. Грядки в огороде прополола, водой напоила. Корову Зорьку в стадо отвела, цыплят кормить принялась.

Поет им Космея песню свою, ласкает. Жалеет малых да неразумных. До того они крошечные, до того беззащитные, вот и сидит нянчит их. Растите, мол, скорее. За кормом в чугунок потянется, раскрошит картошечку мелкоичко, разбавит молоком и размешивает. Подносит с руки. И им радостно, и ей.

Да не успела ойкнуть, не успела подняться, — попала маленькая стальная игла в руку, понеслась с кровью в самое сердце...

Оборвалась песня на полуслове. Тишина наступила жуткая. Солнце за тучи спряталось, день померк.

На высокой ступеньке мачеха с ухватом стояла: издалека увидев пеладное, сама обомлела от страха.

Пока то да се, в себя люди пришли, глядь, а Космеи-то нет как нет. Только и осталась лежать на земле детская куколка. Испугались, по сторонам оглядываются: что такое, была рядом девочка — и нет ее. Стали звать — не откликается. Вдруг кто-то взглянул вверх, а там: летит по небу Космея, шелковое платье ее на ветру развевается как паруса, руками словно крыльями машет и ласково так не то зовет кого, не то плачет... Прислушались люди: и впрямь голос Космеи слышится, вот и песню жалостную выводит, будто прощается:

— Не грустите обо мне-е, не грусти-и-те-е...

А потом послышалось:

Небо, небушко, небо мне братушко,
Землица милая, в ней родная матушка...
прощайте...

Руками-крыльями взмахнула разок-другой, и исчезло видение. А на том месте, где Космею видели, звезда зажглась. Яркая. С тех пор и стали люди верить в приметы.

Отгремит гроза, прольется как слеза чистый дождик, солнышко выглянет. И разыграет тогда красками радуга во все небо. Успевай, загадывай желание, чтоб сбылось: быть ли свадьбе, да жениху с невестой счастливыми...

Это Космея щедроты свои раздаривает. Тянется к людям — от земли ведь пришла. Гроздь россыней да блестков бросит — падают они с высоты звездами, зарницей ясной и светят всем...

Появляются потом на белом свете замечательные люди. Талант у них как родник из-под земли бьет. Видно, небесная Космея зажигает для них самую яркую звезду.

Иные думают, что родились такими. А нет, все заслужить надо. Бывает, захвалит себя человек, возомнит мудрым, тут уж Космея на себя всю боль принимает: выходит, не оправдал человек надежды-то.

Мечется тогда по небу, рассыпает звездочки, рассыпает, а они в капли дождя превращаются. Выглянет солнце, а дождь в нем просвечивается. И получается тогда дождь в солнце, а солнце в дождь. Старые люди называют такой дождь слезным — льет не ведая, и говорят тогда: «Человек на Земле умер». И слышится потом далекая, тоскливая песня. А голос-то Космеи будто...

После такого дождя грибов пародится в лесу видимо-невидимо. Все вокруг радуется. Тогда старые люди говорят: «Человек на Земле родился!» Так Космея память о добрых людях на Землю возвращает. Вот и получается: покидая мирную Землю, люди снова возвращаются сюда.

— Бабушка, я поняла! Наш дедушка — тоже превратился в звезду! Если он не вернулся с войны...

— Да, родная.

— Но зачем он остался на небе?

— Чтобы смотреть на нас. И хранить Мир на нашей Земле.

— Разве он не знает, что нам плохо без него?

— Знает, милая внучка. Об этом и говорит сказка.

— А когда звезды гаснут, они не умирают?

— Нет. Космея возвращает их на Землю.

— И когда он вернется?

— Нам уже подарили тебя! Ты — наша звездочка.

— Бабушка, бабушка! Я вижу звезду! Она подмигивает нам!

— Она разговаривает с тобой.

— Я знаю, это от нашего дедушки! Это потому, что ты ждала его всю жизнь? Ты всегда говоришь: «Вот вернется мой единственный...»

— Да, это наша звезда.

— А как называется дедушкина звезда?

— Надежда.

Вазелиновая баночка

Старый деревянный дом стоял на окраине деревни, недалеко от церквушки. Бывшим купеческим пазывали его. Резные разукрашенные паличники, высокие расписные ворота, клумбы с цветами во дворе привлекали местную детвору. Озорные мальчишки частенько паведывались сюда в вечерних сумерках, чтобы пабе-докурить: цветов паарвать, редиской с грядки да огурчиками пабаловаться.

Войти в этот дом мог не каждый. Родители моей подружки Иринки люди добрые, приветливые, а вот сердитую бабушку многие пуще огня боятся. Она не потерпит шалостей. Так крапивой пажалит!.. Иришке тоже перепадало. Наверное, поэтому и падруг у нее мало.

Но мы с бабой Настей — гости званые. Собирались к ним всегда как па настоящий пазадник. Бабушка достанет из заветного сундука, обитого железом, новый цветастый платок. Паосмотрит, пагладит рукой, к щеке паднесет, потом в сторону отложит. Юбку жаккардовую переложит с места па место, будто сомпеваается — ее ли падеть, другую ли. Розовую блузку выберет, па себя пабросит, плечом паведет, словно перед зеркалом. И опять пакрывает сундук па ключ. Эх, как мне хотелось падглядеть, что в том заветном сундуке!

Идем мы взявшись за руки. Бабушка красивая, глаза у нее блестят. Завидят они при встрече друг друга — здороваются, раскланиваются, будто целый год не виделись, потом три раза целуются. Разговаривают тихо, иногда смеются, потом паходят в горницу играть в карты и, кажется, совсем забывают о нас.

А нам с Иринкой того и падо. На цыпочках падкадываемся к ним и паблюдаем, как они выигрывают друг у друга. Если выигрывает бабушка Авдотья, то громко хлопает в ладоши: «Браво, браво, господа! Наша взяла!»

Моя бабушка выигрывает в карты чаще. Каждый раз она тихо приговаривает: «Ну, суженый, ряженный, приди ко мне...» Это, чтобы ей козырные карты в руки шли. А потом: «Ну, крепко держись, Авдотья Алексеевна, Анастасия Николаевна тебя бить будет...»

Как только заметят, что мы рядом, сразу сердито ворчат:

— Ну-ка, уходите отсюда!

Потом на кухне бабушки пьют чай из блюдечка, вирикуску с сахаром, а мы добираемся до карт и — тусовать колоду. Правда, потом нам влетает ой как! Но все быстро забывается.

Иногда разговор бабушек переходит на шепот, наговорятся вполголоса и поют.

Степь да степь кругом...

или

Катя, Катерина, купеческая дочь...

Песни грустные. И уголком головного платка бабушки утирают слезы. Тогда и мы с Иришкой сидим тихо, не балуемся.

Вот и пора домой. Наши бабушки опять целуются, раскладываются, будто навек прощаются, а мы с Иришкой, повторяя их движения, смеемся в кулак — только бы они не заметили.

Сумерки начинают сгущаться. То здесь, то там слышатся разноголосые пересмешки, девичьи песни — это собирается на вечеринку молодежь. Возле центральной усадьбы на скамейках сидят парни и девчата. Слышны веселые переборы гармошки с соседней улицы. Это Митька-гармонист выводит. Наша соседка Валя тоже там, со своим морячком Игорюшкой. Их мальчишки дразнят: «Тили-тили тесто, жених и невеста...» И убегают.

Я тоже могла бы посидеть на лавочке, орешки кедровые пощелкать, да бабушка не отпускает. Все ворчит: «Мала еще. Придет твой час, вырастешь».

А когда я вырасту? Как посуду мыть, так я уже большая, а как на скамейке посидеть, то маленькая?

В доме все считают меня непослушной. В угол прошлый раз поставили. Ни за что. Потом дядя Федя меня оттуда на полати посадил. А маме сказал: «Пусть сидит, раз правится. Все равно как в углу». Хорошо, что у меня там кукла есть, поиграть можно.

И в один голос все твердят: «Надо, Аленочка, взрослых слушаться!» А их воп сколько: папа, мама, две бабушки, две лельки, что крестили меня, три сестры паниных и еще...

«Слушаться надо...» А я не хочу! Разве нельзя хоть один раз не послушаться? Я ведь взрослая! Осенью в школу иду!

- О чем задумалась, внученька? — спросила бабушка.
- Ни о чем не задумалась. Это не я, — вздрогнула от неожиданности.
- А кто же это? — удивилась бабушка.
- Это Невидимка! Сидит у меня в голове.
- Что же он придумал на этот раз?
- А ты пойдешь туда? О! Это так здорово!
- Мы идем домой.
- Ты никогда не догадаешься, баба Настя!
- Знаю я твои придумки.
- Посмотри воп туда! Мы с тобой в небо поднимемся! Там лестница есть!
- Ну, хорошо, рассказывай, выдумщица. Только нам туда и за месяц не добраться.
- Бабушка! Это волшебная лестница! Она вся такая... такая высоченная... Мы на одну ступеньку встанем, а она нас поднимет, потом на другую!
- Хм, а что мы на небе-то забыли?
- Там есть б-о-ольшой магазин! Ты такого никогда не видела!
- Отчего же? Воп у нас — хозяйственная лавка.
- Этот магазин — небо! Он весь стеклянный, и все-все видно! Там столько игрушек разных! В нашей лавке таких нет!
- И купить их надо?
- Там без денег дают. Это же в сказке!
- И что же подарят тебе?
- Самую красивую куклу выберу. Я наряжу ее в красное платье. Там столько одежды! Возьму плюшевого Мишку. Он такой пушистый-пушистый, как собачка Шарик у дедушки Елисея. Есть кровать и столик, возьму посуды разной... Мячик, санки... Ой, еще два велосипеда: маленький мне, а большой — Кольке. Он научит меня кататься.
- Как же ты все это унесешь?
- А я на траву все сброшу.
- Не жалко будет, если разобьется?
- А я... облака попрошу, они на землю опустят! Ну, скажу: облака, облака, помогите мне пожалуйста-препожалуйста...
- Что же это за магазин такой?
- Я же сказала: магазин Небо называется!
- Ты уже и читать умеешь?!
- Конечно, в сказке так! Ну бабушка, можно я тебе и маме подарю книжки! Ты меня читать научишь, ладно? Папе — большой велосипед... Бабушка! Там всего много, всей деревне хватит! Одну куклу я подарю Иришке! Она всегда дает мне играть-ся! Вот...

И тут вдруг я ощутила в своей руке ту самую вазелиновую баночку, которой мы играли с Иришкой.

Крепче сжала руку. Увидела перед собой Иришкино лицо, как она спохватится, станет искать баночку и, не найдя, будет плакать — ведь такая хорошая игрушка!

— Иришка будет рада! Ведь у вас с ней только тряпичные куклы... Да-а, хороший магазин вы с Невидимкой придумали! — говорила тем временем бабушка, но я уже не слушала ее.

— Что ты извертелась вся? — строго спросила она.

«Надо вернуть! А бабушка крепко держит за руку!» В какой-то момент мне показалось, что бабушка слышит, как застучало мое сердечко.

«А если не отдашь?» — подал голос Невидимка.

«Иришка заплачет!»

«Подумаешь, рева! Поревет и перестанет! У нее всегда больше игрушек, чем у тебя!»

«Потом отдам!» — решила я.

«А что ты скажешь бабушке, когда она увидит игрушку?» падоедал Невидимка.

«Скажу: пашла».

Красивая вазелиновая баночка с яркими розами и белыми цветами яблони жгла руку. Я слегка расцедила пальцы. Баночка и впрямь нагрелась, будто от печки. Такой игрушки у меня никогда не было. В деревню игрушки не привозили. Только и было у ребят, что кости, которыми мальчишки в бабки играют, да деревянные подавалки, еще юрки ниточные, из них можно и стулья сделать, и кроватку для куклы, и домик. А куклы — тряпичные. Давно их бабушка сшила. И ничего нового! Вот, как, например, Иришкина вазелиновая баночка! Ей папа купил в Большом городе, когда ездил рыбу сдавать. Смотришь на вазелиновую баночку, смотришь — и как будто в саду гуляешь. А там деревья красивые, цветы и музыка играет и чей-то голос сказки рассказывает. Звери все и птицы рядом ходят, и никто никого не боится...

Баночка была пахучая. Это от розового вазелинового крема. И сколько бы мы с Иришкой ни смотрели на маленькие узоры, каждый раз придумывалась новая сказочная история. Сколько сегодня сказок попарассказывали друг другу! Эх, еще бы поиграли, да бабушка домой позвала. И чего они мало играли в карты?

С сожалением взглянула на закрытую калитку Иришкиного дома. Вот и изгородь двора заканчивается, а баночка — вот она, в руке.

И тут меня осенило: я сейчас верну! Брошу во двор, а Иришка завтра увидит!

Чтобы освободить руку, за которую держала бабушка, ойкнула:

— Сандаля расстегнулся!

Наклонившись поправить сандалию, глянула по сторонам: куда лучше бросить? И-и-и — рраз, баночка полетела прямо в траву, покатилась немного вперед и упала под самую изгородь.

Я удовлетворенно хлопнула руками о подол платья.

— Что такое? — спросила бабушка. — Птичка выпорхнула из травы?

— Нет-нет, это не я... То есть я... — запуталась от вранья и замолчала.

Бабушка вздохнула. Насунила брови. И тут мне вдруг стало стыдно. Кровь прилила к лицу, уши покраснели. Я замерла.

— Иные молчат, словно в рот воды наберут, но правда все равно наружу выходит, — задумчиво сказала бабушка.

— Откуда ты знаешь, что я обманула?! — не выдержала я.

— Ах, вот оно что, — пуще рассердилась бабушка. — Ты чего опять патворила?

— Я не хотела, я печаянно взяла баночку! Это Невидимка виноват!

Но бабушка качала головой и повторяла:

— И это моя внучка! Нас ведь в люди пускать не будут! Ты знаешь кто ты теперь? Моя внучка — воровка!

— Бабушка, я больше не буду!.. — твердила я, размазывая слезы по щекам, а в голове кто-то безжалостно и ехидно смеялся и повторял: «Воровка — воровка... Ты и бабушку обманула...»

Мы с бабушкой стали искать в траве вазелиновую баночку.

В сумерках было уже плохо видно, но место, куда упала баночка, я помнила и наконец-то нашла ее. Коленки и руки были мокрыми от сырой травы, а лицо от слез.

— Бабушка, прости меня, пожалуйста, — всхлипывала я, вытаскивая игрушку из-под городьбы.

Бабушка долго молчала. Потом произнесла, будто вспоминая что-то:

— Воровать — это плохо, а обманывать — вдвойне. Нельзя доброе сердце с детства плохими делами терзать. Жизнь на свете покажется длинной...

— Я не буду обманывать! Я не хочу быть воровкой!..

— Я-то поверю, а вот простит ли тебя подружка? Захочет ли она после этого дружить с тобой?

— Не знаю...

— Ступай к ней и честно скажи, что взяла без спросу игрушку. Иди, — она отворила калитку.

— Бабушка! Я боюсь, там темно!

— Подожду у ворот.

Я шла по тропинке к дому. Вытерла заплаканное лицо. В сенцах с трудом нащупала ручку. Дверь навстречу отворила Иришка. Обрадованно протараторила:

— Тебя почевать отпустили!

— Не-е, — покачала я головой. — Вот, забыла тебе отдать. Прости меня, я украла, забыла... — совала я вазелиновую баночку растерявшейся Иришке. Было досадно и горько, что обманула и себя, и бабушку, и подружку. Было очень стыдно. Всхлипывая, говорила, что взбрело на ум: — Я дядю Федю попрошу, он мне из дерева много игрушек красивых сделает, и я тебе дам. Я сама научусь игрушки делать. Потом тебе подарю...

— Ну, что ты, Аленка! Ты же моя подружка! Ты ведь мне всегда игрушки давала. Возьми до завтра!

— Нет-нет. Спасибо. Ты правда прощаешь меня?!

Обратно я бежала повеселевшая. Бабушка ждала возле калитки.

«Возьмет ли за руку?» Бабушка теплой ладонью вытерла мне лицо, поправила лепточки в косичках, протянула руку.

— Ну, вот и славно, — проговорила она наконец.

Мы молча зашагали в сторону дома.

Несколько дней не выходила я на улицу. Мне казалось, вся деревня знает о вазелиновой баночке...

С той поры много лет прошло. Давно нет бабушки на белом свете... Но светлый образ ее и добрые слова, что заставили признаться в своем проступке, — всегда в памяти. Этот горький урок пронесла я через всю жизнь с благодарностью к бабушке.

Главный лесничий

Папа разбудил меня рано: первые лучи солнца едва пробились через окошко спальни и легли на мягкую подушку.

— Просыпайся, дочка. Не передумала?

— Я с тобой, — еще полусонная, киваю в ответ.

— Тогда прибегай на берег. Я лодку снаряжать стану. Да не забудь свое ведерко, оно на крылечке стоит.

Ура! Папа берет меня в лес! От радости я закружилась по комнате. Ура! Теперь я — Хозяйка Большого Леса. А папа мой — Волшебник, он говорит мне: «Смотри! Это все твое!» О-о-о! И тут мои руки превращаются... в крылья! Я отрываюсь от земли и — лечу... Я — птица! Какая красота, аж дух захватывает! Вот речка, а сколько озер! Я трогаю ветер, закружусь сейчас с облаком...

Но надо торопиться, а то папа уедет без меня. Закрываю калитку и бегу. Перепрыгиваю с одной ступеньки на другую вниз по деревянной лестнице и напеваю: «Я папина помощница...»

От реки тянет прохладой. По всему берегу разбросаны каменные глыбы и мелкая галька. Взираясь на серый плоский камень и кричу:

— Папа! Я здесь!

Лодка уже качается на волнах. Папа слышит меня, перестает возиться с мотором и идет навстречу. Берет на руки и говорит:

— Держись крепче.

В своих резиновых сапогах он шагает прямо по воде. Волна бьется о борт шлюпки, чуть накрывая ее.

Веслом отталкиваемся подальше от берега. Нас несет по течению. Вот и взревел мотор. Поехали!.. Замелькали избы, скрылась за поворотом деревня.

Хорошая у нас лодка. Вот как мы быстро едем. Не зря соседский Колька хвастал мальчишкам, что пашу моторку двести лошадей не перетянут. Значит, мой папка сильнее лошадей! Он мотор на плече каждый день домой посит с горы и в гору, с горы и в гору... А гора высокая.

Я вижу, как лодка разрезает волны и, разлетаясь по сторонам, они образуют белую пену. Мелкие брызги соединяются и превращаются в огромный вал позади нас. Мы будто летим по волнам. Обь — река глубокая. А еще взрослые говорят: река умеет сердиться. Поэтому в бурю и шторм на ней не увидишь ни катеров, ни моторных лодок.

Вот и бакен впереди показался. Сюда мальчишки рыбачить бегают. А в том Крутом логу мы с папой в прошлом году шишки собирали. Ох и крутизна там! Попробуй заберись наверх. Мой папа может.

— Сейчас в Малую Обь свернем! — слышу папин голос сквозь шум мотора и согласно киваю головой. Почему папа называет ее малой, если по ней большие катера ходят?!

Он кричит:

— Монастырский остров обогнем посередине реки, а там — до протоки Лебяжьей. Перевал пройдем и на месте будем.

Я переспрашиваю, потому что сильный ветер уносит обрывки слов.

Интересно, когда люди придумали всему названия? Так много на земле лесных дорог и проселков, рек и озер, а сколько деревень, сел и городов. И у всех имена! Кто их придумал, когда?

— Вот и подъезжаем. — Папа убирает мои пальцы, уцепившиеся за руль, пересаживает меня с колен. Я — как папа, сама вела лодку!

Моторка круто поворачивает к берегу. Обороты двигателя сбавляются на малые. Папа высматривает место, где лучше пристать. Заглушен мотор. И наконец-то лодка плавно воцаряется в речной песок, оставляя глубокий след. Сразу отталкивается обратно. А позади уже накатываются волны. Кажется, сейчас они захлестнут нашу лодку. Но папа ловко правит веслом, подталкивается к берегу. Вот и зашуршала под днищем галька.

Приехали! Бросаем якорь, закрепляем лодку, переносим на берег снаряжение.

— Ну что, курпосая, — поправляет мой рюкзак папа, — пошли?

Я согласно киваю головой и стараюсь поспевать за ним. Он идет быстро. Мы поднимаемся по ложине в лес, переходим ручей.

- 67899 -

За спиной у папы ружье. Я спрашиваю, зачем оно нам, и он отвечает:

- На всякий случай.
- На какой такой случай? — допытываюсь я.
- Мало ли, вдруг встретится волк.
- Он нападет на нас?!
- Нет. Напугаю его, он и убежит.

Рядом с папой не боюсь. Я поднимаю вверх голову и смотрю на него. Он большой и сильный. Никому в обиду меня не даст. И волка я не испугаюсь.

Мы пробираемся сквозь молодой березняк. Он такой густой и частый, что папе приходится отодвигать березки руками.

- Тут дорога короче, — слышу папины слова.

Из травы вылетают кусачие комары. Они неприятно жужжат над ухом. Надоедают лесные мошки. Вот показалась лугovina. Идем по свежескошенной траве, ее позавчера скосили колхозники. От пряного запаха разнотравья дышится легко.

— Славно покосили, — останавливаясь, хвалит папа. Он ворошит рядки под ногами и, довольный, отмечает: — Доброе будет сено, запашистое.

Солнце еще не осушило траву, и роса холодными брызгами летит мне в лицо. Я взвизгиваю и хохочу. Бегу по кошенине, а роса обдаёт меня с ног до головы. Хорошо!!!

— Папа, что это за цветы? — показываю на высокие ярко-желтые макушки.

— Зверобой. Еще в народе называют — солнццвет. Видишь, как золотится на солнце!

— Он растет в нашем палисаднике, а я и не знала, что это солнечный цветок.

— Запомни. Когда горло у тебя болит, мама его заваривает.

— Папа! Колючки прицепились, противные какие, — сержусь я, стараясь избавиться от них.

— А бабушка ими ревматизм лечит. Репей это. От многих болезней. Ох, ничего-то ты у меня не знаешь...

— А вот и знаю! Вот горошек мышиный. Вот клевер пахучий! Васильки. Не-е-за-а-будки. Ро-о-ма-а-шки, — хвастаюсь я, стараясь показать папе, как много знаю.

— Стой! На Синюю юбочку наступишь! — папа удерживает меня рукой.

— Какая юбочка? У меня синее платье! — заливаюсь веселым смехом.

— Глянь-ка под ноги.

Папа медленно раздвигает траву. Оттуда, покачивая тоненькими головками, смотрят на нас диковинные сине-голубые цветы.

— Какие красивые! Я такие нигде не видела. Дома у нас таких колокольчиков нет! Давай их возьмем! — уговариваю папу.

— Это не колокольчики. А возьмем на обратном пути.

Но я заупрямилась. Хочу, чтобы такие цветы были у меня!

— Пожалуйста! Больше я никогда не увижу их. Потом мы не найдем, они спрячутся, — чуть не со слезами упрасиваю я.

— Идти далеко, завянут. — И все же папа соглашается: — Ладно. Только уговор — тебе ухаживать!

Я прыгаю от счастья. Аккуратно, чтобы не поранить крохотные корешки, папа выкапывает охотничьим пожом самые маленькие цветочки.

— Надо бы побольше их развести, — отчего-то вздыхает он.

А мне так хочется погладить этих маленьких куколок. Я потрогала их и чмокнула папу в щеку.

— Довольна, хитруля?

— Почему они так называются?

— Наверное, потому, что похожи на юбочку, какую мама сшила тебе к Новому году, помнишь? Края волнистые как у этого цветка, у Сией юбочки.

— Они что, с неба свалились?

— Может, и с неба. Может, принес их ветер от самого Сиего моря да и бросил сюда. Поправилось им тут, вот и расцвели.

Мы вышли с покоса. Время от времени я заглядываю в ведерко, где спрятаны цветы: «Надо же, от самого Сиего моря!»

Я разговариваю с ними, а они будто отвечают мне. Может, на самом деле так?! Цве-е-тики мои! Как хорошо, что вы меня увидели!

Сразу за покосом начался косогор. Жарко. Капельки пота с папиного лба скатываются на брови. Он смахивает их и изредка облизывает пересохшие губы. А мои капельки растекаются по всему лицу. И смахивать их не получается. Хочется сесть на пенек. Только бы папа не подумал, что я устала и идти мне не хочется.

Я только чуть-чуть посижу.

Папа вернулся и, отдавая мне сладкую княженику, сказал:

— Это княжеская ягода. Она силы прибавляет. Ее царица любила. Из Сибири возили в далекую Москву.

Ем вкусную царицину княженику с папиной ладони, а он рассказывает, в каких потаенных местах надо ее собирать. Одну веточку укладываю в ведерко: маме. И мы опять идем дальше.

Я тороплюсь за папой, а сучки безжалостно цепляются за косички, царапают мои руки и ноги.

Вот папы уже нет рядом, и я готова разреветься. С одной и с другой стороны треснули ветки, сердито завыл ветер.

Показалось, кто-то прячется за деревьями, вот-вот схватит меня. Споткнувшись, я упала и закричала.

Тут же услышала папин голос и сразу забыла о страхе.

— Ой, смотри! Белку испугнула! Ш-ш-ш... Вон как помчалась по кедрачу.

Я слежу за белкой-попрыгуньей, как ловко она перепрыгивает с одного дерева на другое. Раз — с одного, раз — на другое. Вот бы мне так научиться быстро бегать...

Папа вытирает мои слезы, приглаживает растрепанные волосы и успокаивает:

— Уже недалеко, потерпи.

И правда, вскоре закончился лесистый перевал. Перед нами открылось светлое небо, виднеется речка вдали. Папа берет меня за руку.

— Смотри! Сейчас по траве пойдем. Иди за мной след в след. Осока высокая, не заблудись.

— Разве можно в траве заблудиться?

— Давай-ка я тебя лучше перенесу, — говорит он немного погодя и поднимает меня на плечи.

Чем дальше мы идем, тем трава становится выше и гуще. Осока скрыла, спрятала даже папу! Он с силой отводит траву рукой в сторону, а она, как живая, распрямляется и снова ударяется о папину грудь. Я прошусь на землю, папа загребает траву под ноги, утаптывает дорожку, но все равно осока оказывается выше меня!

Стоило только чуть-чуть зазеваться и отстать от папы, как липучая, шершавая высоченная осока-трава обхватила меня со всех сторон, темная стена травостоя закрыла небо. Потерялся папин след! Спрятала его трава! Навсегда! Я, закрыв глаза, бросилась вперед...

— Чего толкаешься, Настена?

И вдруг стало светло. А из-за папиной спины я вижу огромное зеленое поле, сплошь усаженное маленькими деревцами.

— Ура! Пришли! — запрыгала я.

— Каково мое государство лесное, а? — улыбаясь, кивает папа, присаживается на корточки.

— Теперь я знаю, где ты бываешь! Знаю твою тайну!

Он показывает рукой, как далеко располагаются по ту и другую сторону хвойные деревца, высаженные им ровными рядами на вспаханной земле.

— Папа, это все твое?!

— И твое тоже!

— Теперь я — Хозяйка такого большого леса?

— Не только хозяйка — Владелица!

В залитой солнцем равнине молодые хвойные деревца будто ждали нашего прихода и теперь приветствуют нас.

— Какие они маленькие! Как их много! — кричу я, бегая между стройными рядками. — Мой папа вырастил кедрики и сосенки! Это мой папа вас посадил! Один посадил!

— Да, сначала они умещались в моей ладони. А теперь подросли.

— Они достают мне до колена! Папа, я выше деревьев! Какая я большая!

— Им столько же лет, сколько тебе сегодня исполнилось! — улыбается горделиво папа.

— С днем рождения, крылатки! — наклоняюсь я к деревцам, погружая лицо в мягкую, пушистую хвою.

— Ну, дочка, работы тебе тут хватит. А я с дальнего края обход начну.

Немного отдохнув, мы принялись за дело. Папа оставил меня с деревцами-малютками. Мне радостно. Я должна напоить деревца водой, взрыхлить вокруг них землю. Вон их сколько!

Вытаскиваю из рюкзака свою лопатку, грабельки, лейку. Пора работать. Так папа сказал!

Здравствуйте, деточки. Я помогу вам вылечить восточки.

Под кусточками, под елками убери траву с иголками,

Я — как доктор Айболит, говорите, где болит! —

с удовольствием папеваю.

Время проходит незаметно, но я уже устала и скучаю по папе. «Такое большое хозяйство у него! Попробуй обойди, — разговариваю сама с собой. — А я совсем мало деревцев полила. И комары на меня палтели».

— Хоть бы скорей пришел, — поглядываю я в папину сторону.

Солнце припекает. Хочется пить — а вот и слышатся панины шаги.

— Ура! — кричу я громко, машу руками и бегу ему навстречу.

Я вижу, что он доволен. Мы усаживаемся под старой ивой недалеко от ручья. Папа разводит костер, и мы кипятим чай. Душистый, из листьев смородины. Ах, какие вкусные бабушкины лепешки! Мы отдыхаем в тени под раскидистыми ветвями ивы, и папа охотно рассказывает, что делал на дальних деланях.

— Все прижились. Зиму выдержат. Когда деревца-зеленцы были совсем крохотные, задули северные холодные ветры — ох, я переживал. Но выпал снег, и это спасло их.

— От снега — тепло? — не верю я.

Папа объясняет и долго смотрит на небо, по которому плывут облака, потом говорит:

— Дождик собирается.

— Зачем нам дождик?!

— Мы же не сахарные, не растаем, а? — смеется он, подталкивая меня. — Для наших питомцев как раз вовремя. Да и мы славно управились, провели молодую поросль.

Едва папа успевает затушить костер, как редкие капли дождя зашелестели в листьях ивняка, заскользили по деревьям, скатились в траву.

«Откуда он все знает?!» — думаю я, когда на лицо мне падают две крупные капельки, от восторга хлопаю в ладоши:

— Дождик-дождик, пуще!..

Дождь резко припустил, и я прячусь от ливня под раскидистым деревом. Дождь быстро смочил землю. Побежали ручейки.

Папа поглядывает в сторону посадок: как там деревца?

Вот дождь превращается в молочную пелену, мелко, как сквозь сито, окропляет напоследок наше с папой лесное хозяйство и по верхушкам деревьев куда-то исчезает.

На какой-то миг время будто заблудилось в дождике... Тихо стало вокруг. От земли поднялся и рассеялся туман. Воздух наполнился запахом молодой хвои.

— Как пахнет! М-м-м... — вдыхаю я, зажмурив глаза.

— Гляди, Настенька, как земля и небо радуются!

Я оглядываюсь на папин голос: прямо надо мной раскинулась во всю ширь, засветила, заиграла разноцветными красками золотистая радуга во все небо. Отражаясь в таежной зелени, она одарила нас многоцветными радужными переливами. Мы долго любуемся чудом природы, потом папа говорит:

— Доброе мы с тобой дело сделали. Думаю, когда деревья будут большими, ты обязательно вспомнишь этот день!

— Даже через сто лет?

— Может быть...

Ухватившись за отцовскую руку, я шлепаю по мокрой траве в сторону дома. Щебечут наперебой разноголосые птицы. От свежести все вокруг блестит. В этом зеленом мире природы льется своя мелодия — МЕЛОДИЯ СЧАСТЬЯ.

А я думаю о папе: не зря в лесничестве все уважительно называют его по имени-отчеству! Я выше и выше поднимаю голову: я горжусь, что мой папа — САМЫЙ ГЛАВНЫЙ на свете ЛЕСНИЧИЙ.

Борька-остяк

роззвенел звонок с перемены. Очередь в школьный буфет до Александры не дошла. В тот именно момент, когда она протянула руку с мелочью и сказала: «Две булочки, стакан киселя», буфетчица проговорила: «Все! Звонок на урок!» — и захлопнула дверцу перед самым носом.

— Только булочку! — почти крикнула Саша, глотая слюнки от вкусного запаха. На нее не обратили внимания. — Эх, не повезло! — недовольная, она отправилась в класс.

Начинался последний урок, и теперь голодной ей предстоит добираться домой. Целых пять километров!

— Гутенгаг! Добрый день! Здравствуйте! — прозвучал голос немки, запыхавшейся к началу урока. — Зетцен зих! Садитесь!

В классе было душно. Учительница подошла к окну, приоткрыла створку.

— Кто дежурный? Приготовить доску!

Звали немку красиво — Клара Дмитриевна. Учителя говорили: «Она истинная немка! И имя у нее немецкое». А замужем она — за местным ханты... Как живет немка, никто в школе не знал. В перерывах между уроками она убегала домой, и в классе догадывались: проводит маленьких детей, накормит их и успевает на урок. Часто она засиживалась допоздна в школе с перадивыми учениками. Все знали ее отношение к предмету.

И все-таки учительницу немецкого языка в классе не любили. Мальчишки кричали ей вслед обидные слова: «Немка! Немка идет! А сама ханты!» Но она не обижалась, понимала: были на то причины. Слишком много горестного принесла война с фашизмом. Почти в каждой семье коренных жителей были погибшие в той войне. Мальчишки жгуче ненавидели ее предмет. Она это знала, но другого в школе не изучали.

Пока дежурный вытирал доску, класс шуршал учебниками.

— Кто готов отвечать? — спросила по-немецки Клара Дмитриевна, глядя в журнал. — Начнем с домашнего задания.

«Что же нам задали, черт? Хоть бы меня не спросили!» — так, наверное, думал каждый.

— Закрыли книги. Вспоминаем тему. Кто будет отвечать? Та-ак, — ее ручка остановилась. — Ну, что же? Борис Лазарев!

Класс облегченно вздохнул: «Пронесло!»

Раскачиваясь из стороны в сторону, Борька с неохотой поднялся из-за парты. Он был рослый, с бронзовым северным загаром и густыми отросшими волосами. Каждое лето Борька пропадавал с отцом на стойбище и только к школе возвращался в деревню. Иногда он жил в пришкольном интернате. Воспитатели привыкли к нему и, когда он оставался дома, скучали. По крайней мере, койка была всегда для него приготовлена. Борька любил возиться с малышами, приносить с рыбалки чебачков, пилить, строгать, что-нибудь ремонтировать. Сломался стул: «Боря, починишь?» — «Всегда пожалуйста!» Но покладистым он не был. Оттого, наверное, никто из мальчишек не хотел ему перечить: «Так Борька сказал!»

— Итак, что было задано? — повторила Клара Дмитриевна.

После затянувшегося молчания Борька вдруг заговорил по-хантыйски. Класс развеселился. Клара Дмитриевна сняла очки.

— Хотите, чтобы я выпроводила вас из класса?

— Все равно на немецком говорить не буду! — категорично заявил он.

Учительница отвернулась к доске, спокойно обернула бумажной мел, написала на доске дату и тему урока. Немного постояла и записала задание на дом.

— Так и будете молчать на моих уроках? — обернулась она.

Борька стоял с опущенной головой, переминаясь с ноги на ногу. Класс напряженно ждал.

— Как ни печально, Борис, но вы на уроке немецкого языка, — медленно выговаривала она каждое слово, — и отвечать, будьте добры, на немецком. А на хантыйском говорите дома.

Казалось, она никогда не обижалась. Откуда в ней столько терпения? Не случалось такого, чтобы она когда-то вышла из себя. В школе никто не слышал, чтобы она повысила голос. Иногда хотелось даже крикнуть: «Да что тут паянчиться! Выгнать из класса — другим не повадно будет».

Клара Дмитриевна, как всегда, была спокойна. Наклонив голову, принялась заполнять журнал. Негромко сказала:

— Вы задерживаете весь класс!

— Я отвечать — не буду! — Борька хлопнул крышкой, без разрешения уселся за парту.

— Кто подскажет своему товарищу?

Никто не поднял руки.

— Понятно, — произнесла Клара Дмитриевна. — Весь класс придется оставить после уроков.

Девчонки зашикали на расшумевшихся мальчишек, уже почувствовавших срыв урока.

— Перестань, Борька! — не выдержала Александра.

— М-м! — Он показал язык, передразнивая ее.

Александра повернулась к его парте и, ухватив Борьку за пиджак, слегка толкнула в грудь:

— Еще вредничает!

— Ой! — скривился он и тут же улыбнулся: — Меня обижают...

— Ты что весь класс подводишь?

Борька посерьезнел:

— Замучила своим фрицевским! — пробубнил он.

— Ну, что ж, продолжим урок. А с Борисом будем заниматься дополнительно. Кстати, почему вы сели за парту? — произнесла Клара Дмитриевна, направляясь к Борьке.

Он торопливо схватил портфель:

— Папка сражался с фрицами! Брат погиб из-за них! А я тут должен расклаиваться?! Всех постреляю, только попробуйте, заставьте! Я знаю свой язык и на урок ваш ходить не буду! Разговаривать будем дома? Сначала выучите язык! Вам ли его не знать?! — громко крикнул Борька.

Сунув портфель подмышку, он перепрыгнул через парту и выбежал. Класс замер.

— Я пожалуюсь отцу! — выдохнула учительница вслед.

Лицо ее вспыхнуло. Клара Дмитриевна отошла к окну, отвернулась. Чуть погодя дрожащим голосом тихо произнесла:

— За что он меня ненавидит? Разве я виновата, что учу вас немецкому? Извините, — достала носовой платок. — Зачем он так? У нас двое маленьких детей, а он... — Она всхлинула.

В классе стояла такая тишина, что муха пролетит — слышно. Все знали, что Борька плохо относился к немке, но что она Борьке — мачеха!.. Так вот оно что! Так вот отчего он больше всех на ее уроках возмущается.

— Что мне сделать для него? Мне всех жалко... — с откровенной доверительностью говорила Клара Дмитриевна. И опять извинилась: — Давайте продолжим занятия.

В классе зашептались между собой.

— Я сейчас. Я верну его, — вдруг воскликнула Александра и выбежала из класса.

«Вот как! Наша немка — Борькина мачеха! — стучала в голову мысль. — А он никому не говорил. И уроки срывал! Надо ему извиниться...»

Саша увидела его на обрыве. Он сидел свесив ноги под яр и бросал камни в воду.

Даже не обернулся. Она села рядом. Тоже бросила камень. Не выдержав молчания, укоризненно сказала:

— Ну какой же ты, Борька! Ну, совсем, совсем нет в тебе ни капли жалости!

Не разговаривая, он отложил в сторону очередной камешек. И вдруг схватил Александру за плечи, встряхнул и крикнул:

— Говори! Ты можешь быть верным другом, и если надо — то за правду умереть?!

— Дурак! Я сбежала с урока за тобой — а ты? И какой ты после этого друг?!

— Я остяк!

— При чем здесь это?

— Я остяк! Мое слово — верное. — Он отпустил ее. — Бабушка и дедушка были остяками. А ханты — обидное слово. Раньше так не называли нас!

— Ладно, не увиливай! Подумаешь, обиделся! А человека оскорбил, так ничего? Нагрубил! До слез довел!

— Доведешь ее, — насунил он. — Она же камень!

— Что ты злишься? Урок сорвал уже в который раз! За правду умереть! — передразнила Александра. — А сам? Сейчас же извинись перед ней!

— Не лезь, куда тебя не просят! Кто тебя звал сюда?

Он резко взмахнул рукой, бросил гальку в реку. Санька глянула вниз и обмерла.

— Мы же свалимся, я боюсь! — охнула она. От больших кругов на воде у нее закружилась голова, и, чтобы не упасть, она ухватила за Борьку. — Ой, как страшно! — съежилась она, закрыв на мгновение глаза.

— Трусиха! — Борька вскочил и за руки оттащил ее от края обрыва.

— Что ты сердишься! Я просто испугалась! Забрался на самую крутизну!

— Ты же могла вниз сорваться! — разволновался он. — Смотри, какая бледная!

— Ничего же не случилось, — насунилась Александра, отряхивая школьную форму.

Неожиданно Борька обхватил ее голову руками, притянул к себе и резко поцеловал в волосы.

— Санька! Ты знаешь, как я за тебя испугался!

— С чего бы? — произнесла она. Лицо ее слегка покраснелось. А про себя подумала: «Какой молодец! Не растерялся, сразу помог».

— Сюда садись. — Борька указал на зеленую траву в метре от обрыва.

— А ты можешь быть добрым! Только не хочешь! — сказала Александра, поглядывая на него.

— Я все могу!

— Знаешь, а Клара Дмитриевна...

— Знаю, — пробурчал Борька. — Она хорошая немка. Хоть и не могу забыть, что она у нас папку увела... — загрузил он.

— Зато у тебя братья теперь есть.

Борька расплылся в улыбке:

— Они такие забавные. Им бы на стойбище было хорошо!

Борька вспомнил стойбище, и глаза его засветились. Он представил, как возьмет маленьких Илюшку и Павку, приведет к кусту смородины и скажет: «Сейчас я вас учить стану. Первую ягоду в рот возьмите и поблагодарите лесного духа. Поклонитесь. Потом скушайте». А смородина крупная, в рот так и просится. На первый раз разрешит им полакомиться, а потом собирать научит...

— Эх, была бы мамка жива! — вздохнул он.

— Ты вправду не сердишься на Клару Дмитриевну?

— Конечно. Только она на стойбище жить не хочет... Моя мама всегда с нами была и все умела: и рыбу вялить, и оленят пасти. А какую рубаху мне бисером вышила, я до сих пор ее храню. По праздникам только достаю... А она ничего ио-пашему не умеет. Немка и есть немка.

— Ну, вот. Так и будешь ее мучить? Она возьмет — и уедет. Я бы не выдержала, уехала, — задумалась Александра.

Борька с испугом сказал:

— Нельзя! Папка с пей уедет.

— И все из-за немецкого?!

— Ты не сердись, Санька, я исправлюсь! Обещаю. При одном условии!

— Скажи, — тихо попросила Саша.

— А ты не обидишься? — нахмурился он. И, глянув в глаза Саше, выдохнул: — Ты будешь сидеть со мной за партой?!

— Зачем? — недоуменно спросила она.

— Тогда я буду немке отвечать! Честное слово! Я хорошо буду учиться! Вот увидишь! Я понятливый. Отец мне дал ружье, сказал: «Учись!» — и я с первого раза в соболя попал!

— Какой ты!

— Я уже давно на охоту хожу и понапрасну не стреляю.

— Значит, ты можешь хорошо учиться? Инте-ре-сно. Надеешься у меня списывать?

— Ты не поняла. — Борька опустил глаза. — Я же из-за тебя исправлюсь!

— Это как? Говори, — потребовала Александра.

— Потому что... потому что... ты мне нравишься! — Борька с силой бросил камень, и тот, долетев чуть ли не до середины реки, скользом пролетев по водной глади, булькнул без единого всплеска. — Мое желание сбудется! — хлопнул он в ладоши.

И, сложив руки рупором, вдруг громко крикнул:

— Эге-ге! Обещай, что замуж за меня пойдешь! Обещай! — Он был в восторге.

— Ты что, с ума сошел?! Еще кричит! — рассерженная Александра оттолкнула его.

— Ты обещала, что не будешь сердиться! Я ведь так сказал потому, что ты лучше всех! Ты всем в классе нравишься. Я знаю, что Вовка из восьмого класса твой ранец всю дорогу нес. А кто я? Ты на меня не глядишь, потому что я остяк, да?

— Ни при чем это! Какой ты отсталый! Люди должны любить друг друга!

— А ты — хорошая хозяйка! Я тебя буду защищать.

— Любовь должна возвышать! Что может быть выше любви и верности? Помнишь, как у Пушкина, Лермонтова?

— Я буду много работать. Буду красиво тебя одевать! Мне мама говорила: «Такую невесту в дом веди, от которой светло, как от солнца». А ты — такая! Я обязательно попрошу своего Торума, чтобы он помог мне!

— Чем у тебя голова забита! Ты знаешь, сколько еще нам учиться?

— Хочешь, я украду тебя!

— Все! Надоело тебя уговаривать, выслушивать неизвестно что! — Александра решительно встала. — Я про то, чтобы ты перед Кларой Дмитриевной извинился. А ты?! Болтаешь всякую чепуху!

Борька загородил дорогу:

— Не сердись! Я исправлюсь! Больше не буду упрямиться, если ты будешь сидеть за моей партой!

— Я не обещала! — гневно взглянула на него Александра и пошла прочь. «Вот и поговори с мальчишками!» Она поморщилась, с огорчением думая, что хотела помирить, а сама рассорилась.

— Подожди, — окликнул ее Борька, — а то свалишься вниз, потом отвечай за тебя! — пошел вперед, помогая перейти.

Не оглядываясь, но чувствуя на себе долгий взгляд Бориса, Александра торопливо зашагала в сторону школы.

— Я никому не дам тебя в обиду! — крикнул он вслед, и эти слова еще долго отзывались в груди частым стуком.

Класс уже давно опустел. Она быстро собрала портфель и побежала догонять одноклассников. До своей деревни надо шагать по берегу реки, а затем через лес. Идти одной через лес страшно. Осенью бродят медведи. И мальчишки всегда при ружьях. Однажды она упростила Сашку Беккера, чтобы дал ей выстрелить из ружья. Как ни странно, она попала в засохшую ветку дерева, обломив ее, мальчишки даже удивились. А вот Борька — он какой-то другой, будто хозяин леса... Всю дорогу до самого дома Борькины слова почему-то не выходили у нее из головы...

Весь вечер Александра отвечала маме невпопад. Разболелась голова, и она раньше обычного легла спать. А ранним утром, едва проглотив завтрак, заторопилась в школу.

Борька вел себя в школе спокойно. Он будто не замечал Александру. Так продолжалось неделю. Уроки немецкого языка никто не срывал. Клара Дмитриевна была довольна. Она принесла в класс патефон, и все слушали интернациональные немецкие песни.

Борька не выдержал бойкота. Искоса поглядывая на Александру, стал досаждать своей соседке по парте. Саша догадывалась, почему Борька так ведет себя. Наконец это ей надоело. Медленно повернувшись, она строго посмотрела на него. Борька спик, но не надолго.

И в этот раз, в ответ на ее пристальный взгляд он прошептал:

— Люська сама добирает! — повел бровью в сторону соседки.

— Аха! — плачущим голосом прошептала та. — Не обманывай! Он хочет, чтоб мы поменялись местами.

— Обижаешь, кто слабее тебя?

Борька молчал. Он будто испытывал терпение Саньки.

— Аха! Я не хочу с ним сидеть... — поддакнула Люська.

— Раз он такой, сядешь за мою парту! — решительно сказала Александра.

— Лучше я пересяду! — не растерялся Борька.

Прозвенел звонок. Выходя на перемену, Борька как бы невзначай проговорил:

— Ты не против?

Саша отвернулась.

К следующему уроку она заторопилась раньше времени. Войдя в класс, увидела за своей партой Борьку. Он закопошился, сделал вид, будто достает из портфеля книги, потом долго искал ручку, упавшую на пол...

Александра молча села за парту. Вздрыгнула от звонка. Из-за спины донесся Люськин голос:

— Пожалуйста! Пусть он за твоей партой посидит!

В ответ Александра пожала плечами:

— Как хочешь...

На уроке математики учительница заметила перемену:

— У нас перестановка мест слагаемых?

Борис поднялся. Люська опередила его:

— Нина Ивановна! Это я его попросила, а то он опять мне кнопки на сиденье будет подкладывать!

— Он мне по математике поможет, — поднялась Александра.

— Ах, Борис, Борис! Ну, что ж, если вам так угодно... — поглядывая из-под очков, согласилась учительница.

Александра облегченно вздохнула.

С этих пор Борьку словно подменили. Он и впрямь стал хорошистом, и никаких выходов с его стороны больше не было. А потом случилось вот что.

Во время большой перемены Александра купила в буфете, как обычно, домашнюю булочку, стакан киселя и пошла в класс. В проходе двери столкнулась с одноклассником Вовкой, который загородил ей дорогу и неожиданно чмокнул ее чуть ли не в губы.

— Прольешь! — едва увернулась от него Александра, успев перехватить рукой булочку на стакане, но Вовка тут же исчез за дверью.

— Какая педотрога! — высунулся вскоре из-за косяка. — А кому-то можно целоваться! — язвительно хихикнул он.

— Что?! — опешила Александра. — Что ты сказал? Повтори! — она поставила стакан на учительский стол.

— Это не я, а Витька сказал! Он видел, как ты целовалась с Колькой! Что, покраснела? Ха-ха-ха, — крикнул он, выбегая в коридор.

От возмущения Александра сжала кулаки: «Ну, погоди!»

Перемена заканчивалась. Потянулись в класс ученики. В дверях появился Виктор. Широко улыбаясь, он дожевывал булочку.

— Так с кем ты видел меня? — подступила к нему Александра и, не дожидаясь ответа, стукнула по носу.

— Ой-ё! Чокнутая! — заорал ничего не подозревающий Витька, закрывая лицо руками.

— А ну, говори при всех! — Александра дубасила его по спине.

— За что? Я ни в чем не виноват! — уворачивался он, догадавшись обо всем, только когда в класс вбежал Вовка. Между ними началась перебранка.

— Вот дурак! Додумался рассказать!

— А я откуда знал, что ты пошутил! — оправдывался Вовка.

— Вот вам, вот! — выговаривала Александра, колотя их.

Вовка поскользнулся и зацепил пожку стола. Стопан опрокинулся, и кисель разлился по полу. Чьи-то очки упали на пол, раздавался хруст. Заколка из волос выпала, Сашина коса растрепалась. Вокруг собрались ребята, они словно онемели, но кто-то, обступив драчунов, кричал:

— Так их, Санька!

Неизвестно, чем бы все закончилось, но тут вбежал Борис. Увидев потасовку, ринулся в центр. Стал растаскивать драчунов... Он схватил за шиворот Вовку и Витьку, наклонил лбами к полу.

— Она мои очки разбила! — завопил Витька.

— Не будете врать! — крикнула им Александра, готовая дать отпор.

У Витьки была расцарапана щека, а у Вовки оторваны пуговицы на рубашке.

— А ну, извиняйтесь! Быстро! — произнес гневно Борька, встряхнув их. — Санька! Ты простишь их?..

Вокруг закричали:

— Извиняйтесь, извиняйтесь, пацаны!

Нехотя, сквозь зубы ребята стали просить прощения, а Борька медленно и громко, чтобы все слышали, заявил:

— Я, Борька-остяк, заклинаю! Отныне я кровный брат Саньки! Каждый, кто посмеет обидеть ее — обидит меня! — грозно договорил он.

И тут кто-то крикнул:

— Полундра! Учитель идет!

Борька отпустил парней.

Все разбежались по партам, Вовка понуро вытирал разлившийся по столу кисель, собирал осколки стекла.

— Почему шумим, когда надо в спортзал идти? — с порога спросил учитель.

Когда закончились уроки, Борька подошел к Александре:

— Тебя проводить?

— Спасибо, я доберусь. Ты хороший друг, — подавая руку, сказала ему Александра.

— Я свое слово сдержу! — отчего-то тяжело вздохнул он.

Всю дорогу домой девочки, смеясь и шутя, вспоминали прошедший день. Оборачиваясь назад, они загадочно шушукались и улыбались:

— Александра! Ну посмотри, посмотри! Борька за нами идет! Теперь он оберегать тебя будет! Ох, и попадет кому-то от него...

Александра, насунив брови, упрямо шла вперед, не оборачивалась. Она видела перед собой притихшего Борьку, и какое-то тревожное чувство не покидало ее. За поворотом она не выдержала, оглянулась. Борька одиноко стоял на высоком взгорье. Он все еще махал и махал рукой вслед Александре, будто навсегда прощался с чем-то самым дорогим и заветным в своей жизни.

Дед Захарий и табакерка

старый Захарий давно не выходил на солнце. Приболел малость. Потеряли, наверное, его местные ребята. Где-то они, куда запропастились? Не дождется, чтобы поговорить с ними.

А начнет разговор Захарий издали...

«Давно это было... — его любимое выражение. — Так давно, что и сам не помню. С того времени не раз земля белым пологом укрывалась, русые волосы сединой отбеливала...»

Не раз повторит одно и то же старый Захарий, пока не ощупает в кармане заветную табакерку. «Им-то — правится. Любопытные. Все надо знать».

— Сколько ж пыне годов стукнет, а? — выходя на крыльцо, произнес вслух Захарий. — Поди, Агрофена лучше знает. Агрофен-а-а-а! — позвал он. Никто не отозвался. — К курям унеслась? К курям, ишшто ли... — прошамкал старый дед.

«Эх! Как бы сидануть туды. Не ровен час... Ноги в пимах расставить... Ох, и хорошо пригревает солнышко господнее, хорошо...»

Он и вправду счет своим годам потерял. Глаза выцвели, черные когда-то дуги бровей только в морщинах и обозначились. Кожа на лице... да что там кожа — дряблый картофельный клубень... Вдохнул тихонько: «Х-хм. Всех пережил, однако... В семье одиннадцать душ было, а бедные мы были, бедны-ы-е-е. Не приведи Господь. Но школу приходскую кончил, да с отличием. А стал робить поднаском у здешнего купца. Учения позже впрок пошли, когда в управе писарем служил. Может, про это и рассказать пострелятам? Как перо сломал, кады писал усердно? Были там смешные истории... О чем поведать? Ума не приложу. Вот-вот придуть...» — обеспокоился дед.

«Ох, сколько времён-то прошло! Давно зрение потерял. А слух... слух как у Гордого Оленя с Алымского пастбища... Ох, и стада бывали у родичей! А Гордый Олень чужого за версту чуял. Так и я».

По шороху Захарий мог узнать каждого. Да шибко иикто и не ходит, одни мальцы, чужие в деревне редкость. А их — как не услышать! Вои и Смурной насторожился — цепь забрякала.

Кряхтя, пащупал дед ступеньку, уселся пониже. Кашлянул «кха-кха» — и насторожился: пусть знают, что он тут уже и ждет их. Зажмурился, подставил лицо солнцу.

— Заснул, што ли, деда? — услышал голос Аграфены.

— А то! Посижу, — встрепенулся, отгоняя мысли.

— Никак гостей ждешь, так они тут уже.

— Не мельтеши. Знамо. Покумекаем малость.

А там только вынет Захарий из нагрудного кармана драгоценную табакерку с потайным кисетом, самокрутку расправит, а пострелята уже тут как тут!

Кто через лазейку, кто через забор, только Смурного и бояться, запомнили, как в прошлом году Семке клок из штанов выдрал... И ведь как заходят-то: исподтишка, тихохонько поровят, будто дед не услышит.

— Ладно, айда сюда...

Усядутся кругом, растолкают деда, запросят враз: скажи, деда, да скажи. И што сказывать-то?

Знает Захарий: больно правится им его табакерка. Кого она только не интересовала...м-м-м... Сколько было сублазна, сумления. Сколько супротивился, чтоб не переменять.

— Кажись, французская?! — не то переспрашивают, не то утверждают мальчишки, рассматривая табакерку со всех сторон.

— Хфрансусская... А може, греческая... — чуть погодя добавит дед.

Раскроет Захарий табакерку-шкатулку. Загляденье для ребятшек. А им все руками надо пощупать. «Ух ты!» — только и слышатся возгласы.

— Внутрях-то шкатулки витиеватый узор, кисет из шелковых нитей шнурком завязывается. Вам-то видней. Рядом — коробка под спички. С другой стороны зажим — папиросы клади али сигары. А узоры на тоненькой пластинке, кажись, из чистого золота. Надо же, как умельцы могли выделявать, — горделиво рассказывает Захарий о своей старинной вещице. — До того приглядна шкатулочка... А узор-то — век бы смотрел. Богородица в обрамлении на тебя глядит... На другой стороне — птица с головой человеческой, а хвост — словно радуга... и всякая красота кругом... А в карман-то спаружи книжонку со стихами вставлял... Так и посыл: с иконкой и книгой. Теперь не то, что раньше, — любит Захарий вспоминать об этом.

— Деда, дай в руках подержать, рассмотреть как следует, — чуть ли не вытягивает шкатулку из рук малый Вапятка, коню-

ха Федора Ильина сын. Иной раз и голоса не услышишь, а тут...

— Но-о, — не выдержал Захарий, — вам только доверь!

— И мне, и мне, — зашумели вокруг.

— А здрассть-то куда проглотили? — пробурчал дед. — И чему вас в школе учат?

— Здрасьте, здрасьте, дедушка, — слышалось с разных сторон.

— Сколько вас! Куда чиркалку дели? Задарма поровите! Все исчиркали, небось. Попробуйте, без махорки придите впослед, я ужо вас проучу...

— Принесем, принесем, дедушка!

— Расскажи, про што вспомнил... Откуда табакерка? Как воевать-то ходил? — заинтересовался Митька.

— Ага, про империлистическу, — добавил Егорка.

— Цыц, расшебурились! Уроните табакерку-то, последний табак высынете.

Умолкли ребята, присмирели. Дед помолчал — задумался будто.

— Скажу. Скажу я вам поне секрет один. Давний-давний. Гляди в оба! — Дед указал на табакерку. — И-и раз, и-и два! — Он пошарил рукой и нажал пальцем на защелку. — Во, диво! Считаю, заработала. Слышь! Сейчас серенада заигра-а-ет... соловьем как заливае-са-а... Марсульеза называют, гимн ихний, значит.

— Ага, — шмыгнул носом Колька.

— Здорово! — поддержали другие.

— А вот так ежели: и-раз, и ж а - а л и... Чу, слушайте! Далеко, далеко где-то... — Дед подставил ладонь к уху, будто слышал. — Отче молчите, рот раззявили? Хоть словом обмолвитесь! Тут ухом уловить падо...

— Дальше, дальше, деда! — зашумели мальчишки.

— Вдругорядь щелкну затвор на три оборота, а тута наша выходит: «Боже, царя храни»... Ох, как душу грела, бывало, в походе... И петь хочется... И воевать... откуда силы берутся!

Слушают молча ребяташки, кивают головами, а дед и рад стараться. С кем душу отведешь, кому какое дело до слепого?

— Тут, в энтой табакерке, секрет-то весь! Только теперь ужо толком не послушаешь, сломалась кнопка... Дело-то было в ту амперилиштическу... Нет, однака, до энтой ищо, до австро-венгерской... Али... ишшо раньше... дак ладно...

— А чо делал-то, дедушка Захарий? Какой секрет? — заерзал Петька.

— Да, значит-ка, все по порядку! В солдаты меня увели. Вот и вы на армейскую службу пойдете, узнаете, по чем фунт

лиха. Увели, значит, во солдаты. Вот с теми австрийцами и воевал. Бестолковый бельмес, ничо по-нашему не понимает, а куды-то лезет... Ох и напощадали мы им тогда... С нашими ребятушками да бравыми епералами, куды им... Мы потом раскусили... они со штыками... ох, и много наших покололи... Лоб в лоб шли. Обхитрить, значит, удумали нас... А мы хоть в лаптях, да сами не лыком шиты. Долго потом они рапы-то зализывали...

Ванька заерзал, Митька кулак показал: тихо сиди, а то у деда мысли спутаются! А Егорка глаза завел к небу, мол, во, как было!

Захарий погладил табакерку.

— Вот она, родимая, мне и помогла! Выдам секрет! — задумчиво произнес он.

Колька поддержал табакерку, чтоб не упала. Достал дед газетный листок, скрутил козью пожку, всыпал самосада, поклюнявил, склеил. Мальчишки наперебой потянулись за спичками — успеть, кто первый чиркнет. Раскурил дед. Вдохнул глубоко. Затянулся. Выдохнул терпкий самосад. Закашлялся:

— Едрена-фена... «...И с верным табачком печали забываем!» Не знаете, чьи слова-то? Ты, Митрий, пятый год в школу ходишь? Неужто Александра Сергеича не изучал?

Ребята вразнобой заговорили:

— Пушкин, вроде Пушкин!

— Он жо. Все случаи жизни писал. Ох, и мудрен был человек! Далеко наперед знал, — подытожил дед.

— А при чем тут Пушкин? — не выдержал Ванятка. — Ты что, с ним вместе, деда, на войне был?

— Молчи! — зашикали на него сзади.

— Не лезь поперед батьки. Вот как! — погрозил дед. — А што, можно сказать, вместе и был. Не расставался с его стихами. А с самим не довелось встретиться, — улыбнулся Захарий. — Однако попался мне на войне хороший человек. Как увидел мою табакерку, так и обомлел. Долго смотрел, особливо на рисунок. Все просил обменять, да я нином не соглашался. А он потом взял — и подарил мне Александра Сергеича. Услужил мне, за что — сам не знаю. Так друзьями стали, вместе и воевали. Бывало, откроешь книженцию, а там — чево душе угодно! Ай, Александр Сергеич!

— Што потом-то?

— Награду получил. Да не просто награду — Георгиевский крест! Четвертой степени! Во какой мое высокородие имеет! — выдохнул Захарий вместе со словами: — «...И день настал. ...Неукротимые дружины, волнуясь, хлынули с равнины к стене

градской... навстречу рати удалой, сошлись — и заварился бой...» Чево присмирили? Опять не знаете чьи? Как про нашего брата описано!

— Знаем, знаем. А покажешь, дедушка, награду?! — загорелись желанием ребята.

— Вдругорядь. Ужо подумать надо, куда положил, — вздохнул старый.

— Скоро про царя-то?! — не унимается Егор, самый петерпеливый.

— Царь, он и есть царь! Дак я с царем и был вместе! Он-то весь в бело-золотых одеждах! А как речь песет! Сердце замирает. Конь какой под ним! Лично мне Его Величество и вручал Георгиевский! Коли я такой герой, — засмеялся беззубый дед, — похвастаю, покажу свои ордена. До этого у меня только медаль «За храбрость» была.

Как сейчас помню, муштровали нас тогда-а-а! Смотр войск случился! Сам Николай Второй и принимал! Потом уж турков штурмовали. Бывало, окопаешься, замаскируешься в окопах и крушишь. А после — марш-бросок.

Здесь и застигла меня февральская революция. Но это другая история. А так, коли бы не моя табакерка да не Лександр Сергеич, не стучать бы боле моему ретивому сердцу, не носить бы мне буйной головушки. Отто и говорят: заговоренный.

— Книга-то куда делась, деда? — поинтересовался Митька.

— Надолго хватило. Я читал всем. Наизусь знал. «Два чувства дивно близки нам...» Потом уж скурили, когда порохом обожгло. Всем досталось. Читать больше печево было... А перед этим...

Дед пашунал табакерку, повернул к себе, ухватил дрожащей рукой табак, порастирал двумя пальцами. Поднес к носу толченый — к одной поздре, потом к другой. Вдохнул несколько раз, глубоко и смачно вдохнул... затаил дыхание — замер.

Мальчишки приготовились. Голова деда начала медленно отклоняться назад: «А-а-а-а!», и, весь скукожившись, старик чихнул, подпрыгнув на месте и топнув ногами в пимах, — тут пацаны враз взвизгнули:

— Здравия желаем, ваше величество!!! — И с хохотом, держась за животы, прокричали: — Раз! Два! Три!

— О! О-очухался! Слава тебе, Господи! Ядрен! Ядрен! — И тут же: — Ах вы! Над стариком измываться удумали! Гвардии полка Его Превосходительства! Антихристы неверующие! — не на шутку рассердился дед, вытирая ладонью губы.

— Да мы не над вами, дедушка! Мы просто так! У нас же так не получается!

— Задам вам крапивою-то в штаны, будете потом знать! Ишь, моду взяли старика изводить! Небось, пробовали цыгарку-то?!

— Нет, дедушка, нет! — вразбой доказывали ребята. — Никто не пробовал! Как вы чихать — никто не умеет, даже на спор, ни у кого в деревне не получается!

— Ладно, — успокоился Захарий. — Будьте и вы здоровы!

— Дедушка, а дедушка, — тормошит его за теплушку Ваня, — дак ты хотел досказать про табакерку и про книгу!

— Ох! — вздохнул дед. — Потом-то что?! Дак совсем было мировая пастушила. На войне как на войне. Только саданул турок, я — ему, он мне — я ему! Слышу — командуют: мол, бросай оружие! Выходи брататься! Конец войне, мировая конфуссия, значит. Стал из окна подниматься, а тут как бабахнет! И она... прилетела — пуля-дура. Вижу, мой папарник сник... Меня как в окоп садануло! Показалось, будто на том свете... Когда отошел, глянь, а там, в шинели, где сердце мое... пуля в мово Лексаидра Сергеича попала! Дырища — во, дымом пахнет, а пуля-то уперлась в табакеркину головоастую птицу, да и пошла скользом, только руку маменько зацепила. Ничаво, отлежался. С тех пор не поет моя табакерка... Изнахратила ее пуля, — пожалился дед. — Глазами слаб стал после контузии. Теперь починить-то некому, вот кака закавыка — нет таких мастеров... Как знал — стихи учил. Так, ребяташки, спас меня Лександр Сергеич в табакерке! Вот вам и секрет.

Замолчал дед, а ребятня расшумелась.

— Вот она, отметина где... Ну, и дела! Вишь, у птицы-то хвоста нет, сюда она и попала, тута вмятина какая... Жалко, — высматривали мальчишки след пули.

— А повую не купить? — не выдержал Петька.

— Говорят, в других странах все есть! — возразили ему.

— Так то — в других! Да кто тебя пустит?

— Может, там есть, где когда-то эту купили? — высказал предположение Митька.

— Не пойму тя, што? Говори ясней! — сморщился дед на его невнятный вопрос и продолжил: — Сколько лет на белом свете — такой не видывал. Хоть и зрячий был. Со мной, видать, и умрет. Куда теперь ее такую исковерканную? В наследство не дашь, на память, дак побрезгуют. А мне добрую службу сослужила. Однако, со мной и уйдет... — погрустнел дед.

И тут ребята наперебой заговорили:

— Мне, мне, деда, отдай!

— Ишь, ты! — удивился дед, и от этих ребячьих слов навернулись у него на глаза слезы: — Дак тогда поживу еще! Пусть порадует душу.

— Дедушка Захарий! Как попала табакерка-то к вам?

— О-о, мой друг Егорий, дело давнее... Тятя, умирая, сказал: «Бери — да помни». Ему досталась, наверное, от деда. Ох, какие, бывало, коленца в молодости я выкидывал, когда меня Захаркой звали... Уж когда на войну пошел, взял с собой...

— Откуда она такая?

— Ак кто знает, откель она? Тятя говаривал, эту диковинку прадеду князь подарил, имешитый какой-то... Наш-то вроде спас дочку ево, — шаманом прадед-то был. А тот якобы из Хфрансии энтой и привез! — произнес Захарий. — А може, на меха выменял...

— Это как? — не выдержал Митька.

— Из наших северных болот дорога-то в разны страны ведет: к китайцам, порвешцам, опять же, хфранцишкам. Только опытные каюры знали путь... Раньше ведь у нас поболее бывало золотых да серебряных вещей... Чего только не доставляли! Привозили в то время книг разных, в переплетах богатых, вплоть до шикаладу да шампанскова...эка! Купцы иранские да бухарские поставляли. А местные на каждом повороте пушной товар клали, им по заказу — меновой обмен производили. С тех пор, сказывают, многие клады золоты находили.

— Мне брат говорил, что возле Тобольской горы искатели целый амбар с золотом нашли... — протараторил Петро.

— А то! — подтвердил дед. — Самому Петру Великому целую коллекцию тобольский губернатор Гагариин с уральским золотопромышленником Демидовым в дар поднесли.

— Вот бы нам пайти! — переглянулись мальчишки.

— Ха-х, — рассмеялся дед. — Клады есть, да не про вашу честь. Мешок не удержится на спине, — подрастешь, тогда разговор будет.

— А в деревне про вас другое говорят... — проговорился печаянно Митька и сам испугался: ох, попадет!

— Говорят, в деревне кур доят... А ты язык прикуси — коли ко мне явился, и слушай, — заговорил снова дед. — Да, слыхала мамаша, будто приезжал в наш род послушник усерднейший, по разным местам ездил с миссией — в остяков и самоедов племена. А за то, что покрестились, даровал всякие такие штуки. Да только дед-то больше в лесу крестился... Как оно было, теперь один Бог знат... — вздохнул Захарий. — Да, што это я тут распинаюсь? Пора, однако. Устал я что-то, ребятушки, как бы нас с вами не потеряли. Пойду пройдуся до ветру. Где тут моя проволока?

Егор, Петька и Митька помогли деду подняться, а Ванька с Колькой — ухватиться за проволоку.

— Дальше сам, — сказал Захарий. — Надо бы Смурко отвязать.

Дед закостылял в дальний угол сарая. Смурной завилял хвостом, загремел цепью и пошел навстречу хозяину.

— Знает поводырь свое дело, — прищурился Митька, не спуская глаз с собаки.

— Вы как хотите, — произнес Колька, — а я думаю — он шаман. На Смурко глянет, тот, как на медведя, на нас песется. Не, не выдаст, пацаны, тайны... Прошлый раз все про охоту рассказывал...

— Конечно, шаман! Когда заговорил про музыку, мне точно почудилась! А табакерка-то не работает! Во как нас зашаманил! — зашептал Ванятка. — Про клад свой он точно знает где, не скажет.

— И чо, к нему все ходят хворобу лечить! Недавно мать к нему Шурку водила. У ней на всех пальцах цыпки-бородавки. А вчера хвалилась: «Гляди, ни одной нет». Я глазам своим не поверил. Она говорит: дед бородавку ниточкой обмотал, пошептал что-то, на единственный зуб потрогал, а потом завязал узелок и бросил в землю. Сказал: через три дня пройдет. Вот как! — продолжил Егорка.

— Пацаны! Наверное, табакерка подарена ему за шаманство!

— Он и есть настоящий шаман! Просто дед сам не заметил, как проговорился! Надо снова прийти, пусть все говорит.

— А то! Если его собака без слов понимает! Смотри, отвязал. Сейчас рукой только покажет, она и рвет на нас! Тише ты!

Загремела, скатилась с проволоки цепь. Показался Смурной, за ним следом подтягивался по проволоке дед Захарий. Передвигая с трудом валенки, он повторял: «И днем и ночью кот ученый все ходит по цепи...» А-а, вы еще тута, ипоки? — окликнул дед ребят. — Кому сказано, чада-чадные, что пора?! Слушай мою команду!

— Щас мы...

— Смурко! — дед поднял руку, и тотчас Смурко помчался к ребятам.

Все кинулись врассыпную.

— Ну дед! Тут тебе и табакерка, и клад! — огрызнулся Егорий, перепрыгивая через высокое прясло.

— Во дает! Опять меня зашаманил! — едва отдышавшись, удивленно сообщил Ванятка. — Через забор перемахнул — и все забыл!

"И свет звезды далекой"

“Вазелиновая баночка”

Фенины лапти

Маленькая Феня была расстроена. Ее лапти совсем прохудились. Большой палец ноги высывался так, что уже никакая заплатка из клочка сена не помогала. А ей завтра раным-рано подниматься — на берег реки бежать, к колхозному складу, где рыбаки собираются выезжать на рыбалку. И там целый день надо быстро бегать. Где воду вычерпать, если лодка протекает, где под рыбу тару поднести и взвесить, где рыбакам помочь запутавшуюся рыбу из сетей вытащить...

«Как я в дырявых буду бегать? — засыпая, думала Феня. — Не стану говорить мамке, — решила она. — И у нее обувка такая же. Вот бы открыть утром глаза, и как в сказке: по щучьему велению, по моему хотению — все сбылось».

В полудреме слышала — мама поздно вернулась с работы. С той поры, как объявили войну, она всегда приходила из колхоза за полночь. Феня уже забыла, когда мама улыбалась, — все время была хмурой. И глаза у нее были красными. Она ведь председатель колхоза. И с нее за все спрашивают. А все эта война...

Феня не знала, что такое война. Но в слове этом было что-то страшное. Если бы оно было хорошее, разве забрали бы папку на фронт? Разве заставила бы мама работать, когда надо учиться?

Будто наяву Феня отчетливо увидела перед собой колючее, небритое лицо отца. Он наклоняется к ней, целует, гладит по голове и говорит:

— Потерпи, дочка, потерпи. Вот выгоним фрицев — заживем. Тогда я тебе такие лапти сплету, вся деревня будет завидовать.

И тут Феня проснулась. Села на край полатей. Прислушалась. В доме стояла тишина. Посапывали ребятишки. Отца рядом не было...

Соскочив, она быстро оделась, заглянула в кроватку к Федюшке: что-то ворочается. Долила остатки молока в бутылочку, сунула ему в рот. Посмотрела, как смачно сосет брат, на миг выдернула соску, поднесла к своим губам — полилось молоко в рот. Вкусное. Не оторваться...

— Хорошо быть маленьким, — погладила по головке братика.

Сегодня Фене надо успеть раньше мамы. А то опять она будила бы и наказывала:

— Не забудь, Феня, покормить Федюшеньку. Володе и Танюшке накажи, чтоб смотрели за Фaeй, она так и смекает на крыльцо выбраться. Фица что-то закашляла, одеть носки надо. И сама смотри в колхоз не опоздай...

И уйдет опять надолго.

Скрипнула дверь. Феня удивленно оглянулась.

— Проснулась уже? — проговорила вошедшая мать, с подойником молока в руке. — Мне сегодня чуть позднее.

— Мам! Папа с фронта пришел?! Мне сон приснился! — бросилась к ней Феня, ожидая, что ответит мать.

— Приснился... Дай-то Господи! — испуганно выдохнула Анастасия, перекрестившись. — Ну, славно, попей парного молока да беги. Поди уж все собрались из бригады. Путина началась. Полно нынче работы.

Феня, напившись молока с краюхой ржаного хлеба, выскочила в сенцы. Среди обуви нашла свои лапти.

«Хорошо Маме, у нее дедушка рядом, — подумала Феня. — Он умеет старые лапти чинить и новые плести. Ах, почему они у меня так быстро рвутся? Оттого, наверно, что я всех быстрее бегаю. Мама еще говорит: «Будешь, Феня, быстрее всех работать, больше трудодней выпишут, стало быть, и хлеба больше получим. Везде бегом бегай! Не жди, когда тебя попросят, сама беги».

Хлопнув дверью, Феня помчалась по высоким ступенькам крыльца, мокрым от росы. Чтобы не поскользнуться, ухватилась за перила. На последней ступеньке увидела дедушку Григория, курившего трубку. С дальних болотистых мест приезжал он в деревню и, пока не сдаст рыбу, квартировал здесь. Жил он в одном доме с Феней, только с другой стороны.

— Здравсьте, дедушка Григорий! — пробегая мимо него, кивнула головой.

— Погоди маленько, Фенюшка, я к тебе, — поднялся дед ей навстречу.

Феня остановилась.

— Вот, — он вытащил из-за спины лапти, — носи на здоровье!

— Мне? — от неожиданности у Фени округлились глаза.

— Тебе, дочка, тебе.

Она схватила новенькие лапти:

— Ой, дедушка! Как вы узнали, что мои прохудились?!

Обрадованная, быстро принялась развязывать опучи, отбросила в сторону дырявые лапти. Торопливо примерила новенькие, еще пахнущие лозой. Топнула сначала одной, потом другой ногой, зашнуровала побыстрее и как вихрь пробежала вверх по лестнице. Туда и обратно.

— Какие они легкие! Какие удобные, дедушка!

И вдруг спохватилась, поникшим голосом тихо сказала:

— Дедушка! Я не могу их взять, — помолчав, добавила: — У Шуры, моей подружки, тоже дырявые ...

Дедушка Григорий приобнял ее за плечи, глянул в глаза, полные слез, пообещал:

— И Шуре твоей сплету.

— Не могу, дедушка, — она опустила голову.

— Что ты, Феня! Сколько ты мне дел сделала! И пол вымыла, и рубашки постирала! Ты их заработала!

В это время отворилась дверь и на крыльцо вышла мама.

— А я думаю: с кем это в такую рань разговаривает дочка?

Поздоровалась с дедом Григорием, выслушала его с удивлением, не перебивая.

— Да вот, подумал Феше подарок сделать! — с поклоном, учтиво объяснил дед. — Видел вчера: когда бежала, палец-то паголе был. А не берет. Дак вы уж, пожалуйста, Анастасия Николаевна, скажите дочке-то.

Феня с испугом смотрела то на дедушку, то на маму. Спрятала руки за спину — ждала, что она скажет, ведь папа велел слушать маму.

— Спасибо вам на добром деле, Григорий Митрофанович. Ну, раз заслужила, пусть посит.

— Вот и я то же говорю, а не берет, — почесал дед затылок.

— Бери, дочка! Да помни, — решила мама.

Радостная и счастливая, Феня пулей вылетела за ворота дома.

— Куда понеслась! — окликнула ее мать. — Спасибо-то забыла сказать!

Оглянувшись, Феня махнула рукой и громко крикнула:

— Спасибо, деда! Спасибо, мама!

До самого берега она бежала в новых лаптях и все повторяла:

— Спасибо, деда! Спасибо, мама!

Два Сергея

Раскаленное за день солнце медленно клонится к горизонту. Кажется, вот-вот опустит уставшую голову на плечо родной земли. В лучах заката багровым светом отражается предвечерняя заря.

Спадает жара, уступая время царственным сумеркам. Вот и ветерок заиграл прохладой в кудрявых ветках тальника, пробежался рябью по глади воды, прошелестел зеленым разнотравьем и успокоился.

Только что прилетевший вертолет растревожил тишину. Изможденных летним зноем людей, ожидающих возле вертолетной площадки, заставил волноваться. Последний рейс.

«Эх, успеть бы к любимой!» — то и дело поглядывая в сторону вертолета, думал паренек с большой коробкой и чемоданом в руке.

«Неужели опоздаем на смотр?» — переживала руководитель танцевального ансамбля, наблюдая за девочками.

«Бабушка! Я к маме хочу, домой хочу!» — хныкал поодаль малыш в кепке, цепляясь за пожилую женщину, уговаривавшую его.

«Нет, не будет мне прощенья, если не прилечу сегодня! Не жизнь, а боевое крещение. Брошу все и перееду сюда, если она опять не согласится ехать...» — взволнованно ходил взад-вперед мужчина, сценив руки за спиной. А сидящие под тенью березы мужчины, что азартно «резались» в карты, время от времени отпускали в его адрес ехидные шутки: «Говорили тебе, Каримович, на юге жену искать, а север стороной объезжать, так ты все наоборот сделал, вот и мучаешься теперь!» — после чего все дружно смеялись.

Время близится к полету. Закончились минуты передышки, и вертолетчики спешат в кабину. Перебрасываются словами с техником. Готовят вертолет к отправке в рейс. Идет заправка топливом. Загружается почта.

Перекидывая почтовые мешки в салон, Сергей, бортмеханик вертолета, как всегда, бубнит себе под нос:

Здравствуй, милка дорогая,
Шлю привет тебе с высот.
Если б знала, как скучаю,
Не отправила б в полет...

— Не рано ли размечтался? — обратил на него внимание командир вертолета Виктор Михайлович. — Нам еще два дня на базе торчать.

— Эх, скорей бы домой. Давно в отпуске не был. Получу аванс и махну рукой — на юг с супругой укачу. А там — гуляй себе по земле... — осматривая приборы, произносит Сергей. Усаживаясь в кресло и сладко потянувшись, добавляет: — Эх, сюда бы спортивный тренажер.

— А мы с семьей дальше на север двинемся: тещу навестить надо, да порыбачить и поохотиться. Друг из экспедиции обещал показать места, где таймень ловится да лось дикий с медведем ходит. Куропаток, говорит, как грибов! — воскликнул Виктор Михайлович.

— Кому что... Как мало человеку в жизни надо: был бы дом, семья, работа да улада... — продекламировал Сергей. — У меня порядок, товарищ командир, — через минуту доложил бортмеханик, вынимая карандаш из-за уха.

— Подскажи, каков вес груза да не пора ли посадку объявлять? Волнуется, похоже, парод, — пробасил командир вертолета.

— И то правда, время на исходе, — почесав затылок, соглашается Сергей. — Не зря волнуются. Взять на борт можем только шестерых. А тут человек двенадцать.

— Никак оставить придется. Опять шуму будет. Держись, как бы усы раньше времени не выщипали, — засмеялся Виктор Михайлович, взглянув на неупывающего бортмеханика.

— Ну вот, зато жена похвалила, ей правятся. Ух ты, какие там невесты-красавицы, — устанавливая лесенку, восклицает он. — Все, как на подбор, разнаряжены. Никогда не догадался бы, если б не знал, что это местные хаптычки. Гляньте, как бисер на платьях играет, колокольца в косах звенят. Этих точно берем!

— Кто-то только что вспоминал свою разлюбленную? — хохотнул Владимир Михайлович.

— А как же, что мое — то мое! — И моргнув, уже командовал пассажирам: — Прошу сначала с детьми. Пропустите вперед. Так. Милые дамы, прошу занять места, — поддерживая под руки, продолжал шутливо: — Куда женихи смотрят?

— Вот конкурс выиграем, за вас замуж пойдем! Берете? — рассмеялась девушка с длинными черными волосами, распущенными по плечам.

— А-а, сразу на попятную! — расплываются в улыбке девчата.

— Ну, вот, им слово, они тебе — два. Нет уж, лучше моей невесты нет на всем свете краше. А в небе, дорогие мои, мы всегда рыцари.

— Чего голову морочишь? — шумят мужики.

— Сами определяйтесь. Ясно сказано: еще один человек. А вы куда все? Эй паренек, на свадьбу, что ли, рвешься? Пропусти других.

— Да, на свадьбу!

— К невесте, стало быть? И стол накрыт, и платье, небось, везешь?

— Так уж и к невесте! И свадебное везу! Вот, — показал паренек на коробку.

— Женщи-и-их... Небось, пока вертолета дожидался, невесту за другого выдали, — загоготали вокруг мужики.

— Не то сейчас время, чтобы не дожидаться, — пашелся как ответить упрямый жених. — Вот, справка!

— Точно! Выходит, правду сказал, — пропустил вперед паренька бортмеханик.

— Ну, вот, — зашумели недовольные.

— Меня же из дома выгонят! Возьмите! — упрашивал мужчина в очках.

— На крыло его посади, может, крылья вырастут — полетит! — вздыхая, не переставали подшучивать мужчины.

— Ждите завтра рейс. Ну все, ребята. Освободите площадку, — говорил бортмеханик. Убирая лестницу, махнул кому-то рукой: — Привет земле!

Захлопнулись двери. Разметая мощным вихревым потоком клубы пыли, вертолет взметнулся, поднимаясь в небо.

Пассажиры смотрели в окно, наблюдая за отдаляющейся землей, кто прикрыл глаза, собираясь вздремнуть, кто переговаривался с соседом, крича в ухо.

Сергей окинул взглядом пассажиров, поклажу, раздал гигиенические пакеты. Все спокойны, все вроде нормально. Вернулся в кабину. Привычно Сергею летать. Знакомо ему, опытному вертолетчику, все до мелочей: каждую гайку, каждый винт с закрытыми глазами пойдет. Во всем у него чувствуется порядок. Любит он своего трудягу — вертолет. Мог бы какие хочешь выкрутасы «выписывать», воп как слушается его машина. Мог бы, да не положено, он не летчик-испытатель, а машина — не учебный тренажер. Трудно выучиться на испытателя...

Но мечта его детства сбылась. Из выпускного класса лишь они, трое друзей, поступили в гражданскую авиацию. Сколько лет в небе ходят. Только в разных сторонах: Александр Слипки где-то на юге, Валера Матросов в Омске заправляет, а он махнул сюда, на Север. Любит Сергей свою работу. Интересная. Зажигательная. Ответственная. А как же, когда люди на борту, тут за каждого ответ держать надо. Люди — груз особый. Сколько личностей замечательных, судеб разных. Тут особый, небесный «дух» присутствует, надо уметь вовремя сориентироваться, удачно выйти из любой ситуации. Адреналин, бывало, закипает в крови. Пассажиров надо уметь видеть, знать, кто перед тобой, чего хотят. Одни молчаливые, слова не вытянешь. Другие резвятся не в меру. За теми и другими догляд нужен. Небо не любит капризных. Уж эту психологию он изучил. К каждому у Сергея свой подход: кого успокоить, уговорить, кому помочь. Небо — это не земля, тут мужская дружба крепнет.

Летит вертолет, и знает Сергей, какой маленькой кажется железная птица на карте Земли. Но какую большую пользу приносит. Говорят, скоро новую, более современную технику на смену пришлют, вертолетный парк обновится. Да, не за горами то время, когда вертолеты будут совсем другими: причудливой формы, небесного цвета, сверхскоростного режима, автоматика — класс: с борта жене: «Привет, дорогая!» Стюардесса — красавица, а как без нее? Кто тебе чай поднесет? Кто пассажиров успокоит? Разве кукла-автомат сможет так улыбаться? В салоне — чего душе угодно: телевизор тебе, шахматы, шашки, спортивный инвентарь, а кресла... В кабине вертолета — кнопки миниатюрные, успевай команду подавать: сами включаются. Аварийные ситуации исключены. Скрытая сигнализация кругом. Сообщение до земли — в считанные секунды. Пилотный выброс пассажиров и команды вертолетчиков на всякий случай... Нет, вертолет почти не ломается... Тут даже бортмеханика нет — только два командира воздушного корабля.

«Размечтался, — пожурил сам себя. И, наклонившись к командиру, дал понять, что будет оформлять билеты. — Все-таки чудной какой-то этот рыжеватый. И чего навязался: никак из головы не выходит. Справку достал: есть мне время перед всеми читать...»

Собирая паспорта у пассажиров, громко крикнул парню:

— Невесту твою как величают?

— Любовь, — чуть покраснев, недоуменно ответил парень.

— Красивое имя, светлое. Это я так, извини.

Усаживаясь в кресло, кивнул командиру: «Порядок».

Позже, записывая пофамильно пассажиров, чуть было не подпрыгнул:

— Елки-моталки! Это ж падо! Загопи меня машина, забодай меня комар! Так мы, оказывается, тезки! Да к тому же — однофамильцы! Глазам своим не верю. А отчество?! Вот те па! — немного онешил он.

Краем глаза взглянул на командира вертолета Марьица: слышал ли он сказанное сквозь рокот мотора? Задумался...

Надо же! Сколько приходилось летать, такого не случалось. Кого только не выручал: и лесников из очага пожара, из самого некла, и заблудившихся ягодников, и охотников из непроходимых мест; было, что младенцу помог на свет появиться... Правду говорят: любовь рождается на небесах, теперь вот жениха к невесте везу, да какого: будто сам жениться лечу... Где и чего только не видел, но чтобы вот так, в небе, встретить своего одноименника-однофамильца...

Удивительно все-таки устроен мир!

Отчего-то испортилось настроение. Сергей взглянул на приборы, провел контроль показаний, развернул планшет, достал карту-маршрутку, установил ориентировку по местности. Пропаблюдал за движениями командира, уверенно держащего ручку управления, как тот переговаривается с диспетчером, но мысли о таком совпадении не выходили из головы. Свою родню он, вроде как, неплохо знал...

— Так кто же он, этот таинственный незнакомец, свалившийся с небес мне на голову? Кто он, человек с моим именем, отчеством и фамилией? — повторил вслух Сергей. — Кому скажи, не поверят. Придется допытать отца...

Вручая билеты и паспорта своему соплеменнику, отчего-то разволновавшись, задал наиглупейший вопрос:

— Ты, что ли правда — Захаров?

На него уставились удивленные голубые глаза: «Что, мол, пристал?»

Немного погодя, услышал в ответ подтверждение:

— Я — Захаров!

— Та-а-к. Быть тебе Вторым Сергеем. По старшинству, — протянул он, направляясь в кабину.

Какое-то ревностное чувство возникло из ниоткуда... И тут неожиданно его осенило: чем черт не шутит, а вдруг мы с ним — братья? Вроде похож чем-то, и глаза такие же. Кто его знает, как тут разберешь? Нет, надо пытать отца, пусть скажет...

Прошло тридцать минут полета. Ничего нового он не придумал. А мысль, как муха, прицепилась к нему: «Твой брат, твой брат...» Так кто же этот рыжий?

— Чего приуныл? Идем на снижение, — освободив одно ухо от наушников, окликнул его командир.

“Дед Захарий и табакерка”

— Так точно. Есть принять готовность, — ответил командиру. Вертолет приземлился. Кое-где зажигались вечерние огни. Пассажиры оживились, заторопились, поблагодарили вертолетчиков и попрощались. Вот и второй Сергей прыгнул. Оглянувшись, уверенно зашагал в сторону райцентра.

«Уйдет ведь, уйдет! Спросить бы надо!» И, не выдержав, окликнул:

— Сергей! На минуту!

Рыжий остановился, будто того и ждал. Повернулся навстречу. Медленно поставил чемодан.

— Слушай, ну и задачу ты мне задал. Давай разберемся, — жестикулируя, пытался объяснить бортмеханик. — Как это тебе сказать?.. Понимаешь? У тебя Сергей, моя фамилия, имя и...

— Не понял... Короче объясни, я тороплюсь... — начал сердиться парень.

— Фамилия твоя Захаров?

— Ну.

— Это моя фамилия и мое имя!

— Да это — моя фамилия и имя... — поправил паренек, показывая на себя. — Ты что-то путаешь.

— Не торопи. Пойми. Еще раз говорю: ты — Сергей, и я — Сергей, — пытался объяснить вертолетчик.

— Ну и что? Извини, мне надо быстрее...

— Что ты все ну да ну? Вот тебе и ну! У нас с тобой все одинаково: и имя, и фамилия, и даже отчество. Кто твой отец? Вдруг мы, это... ну, братья?

— Не смейся... — улыбаясь, смотрел на него второй Сергей.

— А я не знаю... Но что-то тут есть! — не сдавался вертолетчик. — Кто ты такой, чей будешь?

— Вот и приходи на свадьбу. А там разберемся. Только, чур, не вместо меня, — засмеялся тезка.

— Идет! Пока, браток! — потрепали они друг друга по плечу и хлопнули по рукам.

В какое-то мгновение кругом пошла голова. Сергею показалось, будто какая-то неведомая сила подтолкнула их друг к другу. Холодная волна окатила в миг с ног до головы и с яростью выплеснула наружу все его сомнения. Он чувствовал, как волнение передавалось и второму Сергею. Имению! Только кровное родство могло так будоражить голову. Кровь запульсировала в венах, отдала в сердце. Забурлила, забушевала. Доказывала родство души.

Домой Сергей не шел, а летел словно на крыльях. Едва ступив на порог, услышал восторженный возглас жены, которая бросилась на шею, и радостные причитания матери.

Сергей загадочно посмотрел на отца, отметил про себя его привлекательность: широкую улыбку, статную, несмотря на годы, выправку.

Оставшись наедине с ним, лукаво спросил:

— Говоришь, стар стал? Да ты, пап, еще хоть куда, можешь завлекать барышень только так... — подмигнул Сергей отцу.

— Ты никак белены объелся? — сурово взглянул на сына отец. — Или бес в ребро?

— А что, батя? Скажи-ка, может у меня — вдруг — родной брат объявиться?

Семен Аписимович слегка покраснел, помедлил с ответом. Хитровато прищурившись, переспросил:

— Брат, говоришь? Любопытно. Отчего не быть?

— Ну, ты даешь, отец! — выдохнул сын.

— Может быть, — повторил отец и уже утвердительно добавил: — Земля-то наша круглая. Мир тесен, может, где-то и пересеклись наши меридианы и параллели. На родной, чай, земле живем.

— Параллели, значит? Да ты сознайся, папа, не крути вокруг да около!

— Эге! Мы ведь, сынок, в Сибири не один десяток гнезд свили. Так оно. Что ни большая река — то деревня образовывалась. Из-за Уральских гор когда-то пришли наши предки. По всей Сибири наши пути-дороги. Иные речные протоки и поныне носят наши названия. Девками и парнями богат был наш род, оттого и родня большая. Идешь, бывало, по деревне, сколько родственников навстречу: пока поздороваяешься да окликнешь друг друга... Потом уже, когда поселок распался, разъехались кто куда, растерялись...

— Я понимаю, что Земля — самое большое достояние человека при жизни. Хочешь сказать, не было твоей вины в молодости? — улыбался допытливый Сергей.

— Вины-то нет никакой. А родня-то вполне может быть. Надо узнать, племянником — от сына младшего брата отца может быть или сродным братом в седьмом колене приходится должен, — вспоминая, перечислял свою родню отец.

— Извини, папа, а я было подумал... Сам понимаешь. А как это — в седьмом колене?... — пеловко оправдывался Сергей.

— Думал — подумал! Надо не думать, а знать свою родовую ветвь, корни свои. Слушать родителей надо, когда говорят. А то у вас, что в ухо влетит, тут же забыли.

Не выдержал тут Сергей, рассказал все отцу, упомянул о приглашении на свадьбу.

— Дорогой ты мой, да когда же свадьба-то?

— Н-не знаю. Не спросил как-то. Похоже, сегодня, — виновато проговорил сын.

— Ничего себе, «браток»! Эх, ты. Запомни, сын! В нашем роду Захаровы всегда марку держали. И честь свою ничем не запятнали. Людей никогда не чуждались. А в помощи — никогда не отказывали. Собирайся! Не так уж велика деревня. Найдем родню. Разузнаем.

— Куда на почь глядя?! Ужин стынет, — заворчали женщины.

— Нам тут дела мужские решить надо! — услышали в ответ.

Хороши летние почы. Приятны, теплы, светлы. Вечерняя роса слегка окропила цветы, и нежный аромат их ощущается в воздухе. На крылечке тихо переговариваются свекровь и сноха. Дожидаясь мужчин, пет-пет да всплеснут руками: «Куда их понесло?»

Приутихла деревенька. Склоняется ко сну. Эхом отдаются звуки в почной тишине...

Прежде чем хлопнула калитка, слышались развеселые голоса:

— Сразу видно — нашей «породы»...

— А невеста хороша, ничего не скажешь! Наши умеют выбирать по себе!

— На смотрины попали и свадьбу сгуляли, — придерживая отцовскую руку, что-то пытается объяснить Сергей, завидев женщин.

— Ох, и крепка «Рябиновая» у родни! С пог сшибает, — с трудом выговаривая слова, смеется отец. — А что, мать? Давненько мы с тобой на свадьбе не отплясывали? Не пора ли гармонь доставать? Да свадьбу догуливать.

— Задержались чуть-чуть, — шепчет, наклонясь к жене, Сергей. — Зато мы седьмое колено пашли. Понимаешь?!

— Откуда вы такие? Толком кто-нибудь объяснит? — сердится мать. — Нити не вяжут, а им смешно!

Пытаясь сохранить равновесие, мужчины проходят мимо недоумевающих женщин в горницу и напевают: «Мы петь будем! И плясать будем! Свадьбу новую справлять будем!» И уже оттуда слышатся развеселые голоса отца и сына с лихим приплясыванием и притопыванием... Кто-то пытается плясать вприсядку. Снова смех раздается... И слышится вновь:

— И-их! Знай наших в полку!!

Живица

увидев дедушку Ефима в приемной родильного дома, Екатерина удивленно вскинула брови:

— Дедушка Ефим? Здравствуйте! А вы тут к кому?

Дед, не мешкая, проропил в ответ:

— Здравствуй, Катерина! Тебя вот дожидаясь! Я тут по пути, мешок муки привез, как заказывали, да привет тебе от родни передаю, а Тимофеем просил сказать, что в обед за тобой заедет.

— Спасибо, мне уже вчера сказали. Так я хоть сейчас готова! Возьмешь с собой, дедушка?

— Какая скорая! А твой-то не осерчает? Мне не торопю, только я до развилки могу довезти, а там мне в другую сторону.

— Ну что ты, дедушка, мы Тимошу как раз на пути встретим. Спасибо, что не отказал.

Екатерина обрадовалась, заторопилась в дорогу. Предупредила медсестру, выслушала советы и наказания по воспитанию ребенка. Пронаблюдала, как одевают малютку.

Осторожно спускалась она с крылечка старого роддома. «Как бы не поскользнуться», — ухватила за перила.

— И куда торопятся молодые? Нет, чтоб мужа обождать, — сустились вокруг пяпочки.

Дед Ефим подогнал сани почти к самому крыльцу, усадил Екатерину на мягкую солому, а пяпочки вручили молодой матери малышку.

— Поаккуратнее вези, дед Ефим! — заговорили они.

— Деиь-то добрый, вои такая теплынь, доедем! — сказал он, указывая на небо.

— Берегите себя! Молодцом держались, приезжайте еще! — обращаясь к Екатерине, на прощанье высказывались пяпочки.

Екатерина еще раз поблагодарила всех. Дед взял в руки вожжи, подхлестнул коня.

Довольная Екатерина смотрела по сторонам, прижимая драгоценный сверток к груди, чему-то улыбалась. Глубоко вдохнула свежий весенний воздух:

— Хорошо-то как!

— Кажись, жаворонок весну благословил, — высказал предположение дед Ефим. — Весна-то пынче какая ранняя! Отродясь не видывал, чтобы в эту пору снег в деревне почти стоял.

Перед выездом за околицу дед остановил коня, подправил хомут, подтянул супонь.

— Здорово, Пелагея! — сказал проходившей мимо одинокой старушке.

— Здравствуй, здравствуй, Ефимыч! Далеко собрался? С кем это ты? — спросила она.

— Сама погляди, — ответил он.

Старушка подошла поближе:

— С первенцем тебя, милая! Сохрани вас Господь!

— Доброго здоровья! — откликнулась на приветствие Екатерина. Кивнула головой — спасибо, мол. А в душе удивилась: как определила, что первенец? Мудрен старый человек — что колодезь тебе, сколько ни черпай, всегда полон!

— Тимошку Викулова ты, Пелагея, помнишь, как пянчила в саду?

— Как же не помнить.

— Дак дочь у него родилась. А жена его — Катерина из Елизаровки.

— Вот оно што! Ну, поздравляю вас. А где сам-то?

— Навстречу едет.

— Привет ему от меня и родителям тоже. Они хорошо меня знают.

— Доброго пути! — обменялись они любезностями.

— Бывай, Пелагея! — простился дед.

Дорога за деревней началась с колеи, местами была перовой, уже порыжевшей. Кое-где снег в сугробах слежался и превратился в ледяную корку.

Вороной бежал трусцой. «Ну, лешак!» — попукал его изредка дед. Екатерина поглядела на окрестный лес, заснеженную речку. Достала из кармана пальто зеркальце. Поправила завиток на лбу.

— Как там в деревне-то, дедушка?

— А што ей сделается? Как была, так и есть, ничего нового не появилось. Окромя того разве, что вы прибыль в деревню везете — молодежи прибавление. Тимофей только о том и говорит, что дочь родилась! — заговорил дед.

— Нам еще до молодежи ой как далеко, — улыбнулась Екатерина.

Яркое солнце слепит глаза. Легкий морозец еще держится, но к полудню уже все раскиснет. Весна вступила за свои права. Рассылает зима ей последние жалобы — вдруг сжалится, уступит место, да не тут-то было... Ах, как замечательно, что она вырвалась наконец-то из помещения, хотя Тимофей не одобрит ее самовольство, но она объяснит ему — он поймет. Еще будучи в роддоме, Екатерина задумала в лесу побывать. Бабушкины заветы исполнить.

Мысли перенесли Екатерину в деревню. Представила, какие пожелания, восторги услышит. Но взглянуть на дочку не разрешит: сглазят еще. Успеется, придет час.

А вот Тимофею своему все-все о ней расскажет. И как думала, что умрет со страху, не сможет родить... И как врачиха чуть было тряпкой не отвозила за то, что мыть полы в больнице взялась: всего-навсего помочь хотела... А уж как первый раз дочку кормить принесли, и она — спит!.. Тут-то сколько слез пролила, а то! Как без материнского молока, не городская кукла небось... А медсестра еще смеется. Потом уж объяснила, что носик на чуток зажать надо, вот она и схватит грудь. Дак малое дитяtko жалко... не приведи Господи...

«М-м, а как схватила потом — полилось молоко в ротик, так сердце и зашлось у меня! Будто внутри перевернулось что-то. Не показалось — почувствовала, как родная кровь к дочурке притекает. И от этого разливается по всему телу тепло. В жизни такого чувства не испытывала. Правду говорят, как только прикоснется ребенок к матери, отведаст материнского молока, с той поры материнское сердце сроднится навечно, и никаким бедам-напастям не разлучить дитя с матерью. Не передать словами, какое, оказывается, это счастье — иметь детей! Создала же природа! — вспоминала Екатерина сладостные мгновения. — Ласточка ты моя, счастье наше! — глянула в сверток. — Поспеть бы только раньше мужа. Люблю неожиданно появляться, везде первой быть, пусть будет сюрприз ему», — подумала.

— Дедушка Ефим! Видишь воп тот взгорочек? Тут и высади нас. Мы сойдем, а ты поезжай себе, — попросила Екатерина.

— Што это ты удумала, Катерина? Мне за вас ответ держать!

— Да вы не переживайте, ничего с нами не случится! Мы тут дождемся своего папку, до лесочка прогуляемся. Вы ж знаете, дедушка, это наша гривка. Я только взгляну да подышу свежим воздухом...

— Разве вас поймешь, молодых, что у вас на уме? А ну как он запоздает, что потом?!

— Езжайте, Тимоша ни на минуту не задержится — слово его верное.

— Ну и лихая Тимофею молодуха досталась!

— Что правда, то правда! Верно говорю, мы здесь его пождем — договорились так.

— Э-э, нет! Мне жизнь моя потом не мила станет. Знаю я Тимку-сорванца, спросится потом с меня. Как хотите, а покада он не появится — с места не сдвинусь! Идите, прогуляйтесь, раз хочется, а я покараулю. Мне спешить некуда. А не появится, так довезу.

На том и порешили.

Екатерина окинула взглядом дорогу, с какой стороны бы лучше зайти, оглянулась на деда и уверенно зашагала по весеннему пасту. Шла, прижимая руками свое сокровище — новорожденную дочурку. Шла и радовалась. Изредка посматривала на сонную малышку сквозь белое кружевное полотно. На душе было легко и радостно: она снова встретится с любимыми березками.

Небо над зеленым краешком леса манит своей голубизной. «Сегодня у природы тоже праздник. Как у меня в душе. Непременно должна показать своей крошке этот заповедный уголок», — шагая к лесу, мечтала Екатерина.

...Давно не любовалась она лесной красотой. Давно не видела чуда природы. Осторожно вошла в лес, взошла на пригорок. В лесу таинственно и загадочно. Снег на солнце почти стоял, только в глубине леса, в тенистом бору, его много. Хвойные деревья зелены, кроны верхушек и хвойные лапы освободились от снега, распушились, блестят на солнце.

Вокруг тишина. И вдруг откуда-то раздаются переклики щебечущих птиц. Зачирикали, заворковали, запели свои песни на разные голоса: кто кого перекличет. Воздух ароматен, напоен запахом хвои. Весь мир вокруг кажется раем. Бабушка любит говорить: «Лес, он силы придает и душу врачует». Да, в лесу побываешь — словно силы глоток хлебнешь. А весенние лепечки — что в лесу цветочки. Коротки да яркие, успевай запоминать...

Екатерина прошла чуть подальше. Ой, поглядите только! Вот их сколько, желтых огоньков! Прячутся, а головки к солнышку тянут. По подгорочку, из-под елок да березок выглядывают. Еще снег лежит, а они тут как тут. И вправду говорят: у марта-капельника апрельские проталины.

«Как прекрасно вокруг! Отсюда наши свидания начинались», — засмеялась Екатерина, целуя крошку. Здесь, вместе с открытием

мира природы, пришло к ней светлое чувство открытия первой любви. С раннего детства она знает это место, сюда приводил ее маленькой отец собирать грибы. Жаль, не дожили родители, чтобы внучку свою увидеть. А бабушку она бережет... Екатерина припомнила, как собирала однажды березовый сок в лесу. Бабушка попросила, когда заболела...

Екатерина улыбнулась: перед ней возник Тимофей. Вот он, сильный, широкоплечий, на лыжах, с ружьем за плечами, несет ее на руках. Беспомощную, уставшую, заревавшую, и всю дорогу до самого дому извиняется. А она все грозит, все ругает: это же падо, какой ротозей, изверг настоящий, какой безответственный человек, порасставил капканы у самой дороги, никому не пройди, ни зверю, ни человеку. Ох и напугалась она, когда в капкан вместо зверя попала. А раздвинуть, убрать — силы не хватило. Хорошо, что в этот день ей Тимоша встретился, случайно оказался в этих местах, а то бы осталась без поги, и так сколько проболела. Правда, этим «безответственным» и был сам Тимофей: после признался. Она всего-то шаг в сторону сделала, чтоб елку обойти напрямик, — и заценила. Так закричала с испуга, от боли, что, паверное, всех в лесу перепугала, и банку с соком березовым пролила... Называется, принесла гостинца бабушке. Потом Тимоша чуть ли не каждый день сок из леса приносил. Вот и прозвал ее Живицей, мол, сок-то благодатный, быстро на поги поднимает. А потом и настоящей серы приносил, с елки, с сосны насобирает живицы, пакипятит, и потчует. Вкусная! Жуешь жвачку — одно удовольствие. Говорят, раньше целые заготовительные организации этим занимались, а мы — только так, баловство одно! С того времени знакомство с Тимошей вошло в ее жизнь счастьем.

«Он помогал мне по просьбе бабушки березовый сок собирать: зарубки делает на березах, баночки подставит и уходит в лес — поохотиться, петли попроверять, а я жду. А однажды возьми да скажи: пошла бы за меня замуж? Рассердилась я: что это, или посмеяться надумал? Он: «Все, что скажешь, для тебя исполню!» Тогда я возьми да крикни ни с того ни с сего: «Мост через речку построишь, тогда и выйду!» Он сначала оторонел: какой мост? «А вот — через ручей!» Через тот ручей и впрямь ходить опасно: вода ключевая холодная и в грязи утопнуть можно... Ничего тогда он не ответил. Ушел — и все. Вот ругала себя, думала — не увидимся больше. Потом прихожу, глазам своим не верю: самый настоящий мост через ручей появился! Перекинул он через ручей два кряжистых дерева, прибил к ним жердочки, а с одной стороны поручни сделал! Теперь все, кто в лес идет, не парадуются, ему спасибо говорят. А место это

нашим любимым стало. Всего здесь полно: и ягод, и грибов, и трав целебных, опять же зайцы посятся, белка да соболей... Вот подрастешь, дочка, с собой брать будем. — Она вдохнула: — Какая красота!»

А еще верит Екатерина в бабушкины приметы: первой бываешь — желания сбываешь! А как же! В тот раз загадала: встретится добрый молодец, исполнит желание ее — быть ему женихом! Еще как сбылось! Вскоре свадьбу с Тимошей сыграли, а теперь вот дочурка появилась на свет. Пусть будет янтарной живицей со светлой и чистой душой.

— Надо успеть желание загадать, — заторопилась Екатерина.

Привлекательны милые березки. «Поприветствуем их, — обращается она к малышке. — Видишь, как они набираются силы, хотят напоить нас с тобою соком». Екатерина пошла на березе старый надрез, слегка отковырнула бересту. Медленно наполняя лунку, появилась капля. Одна, другая... По древесной жиле нехотя потек прохладный сок. Подставила губы, вкусила живительные капли — благодатный.

«Вот и будешь ты у меня живицей, здоровенькой и красивой. Как эта березка, стройной», — подумала о дочке.

Передохнула на иже у оврага, посмотрела на малышку: спит крошка. Сладостен покой на свежем воздухе. Глянула на притихший лес. Отметила цепь — вроде пичужка... Приподнялась, взглянула под ноги, удивилась: живая вода журчит, спешит, к ручью пробивается. Из-под талой земли трава зеленеет. Тоже тянется к солнцу. Не зря говорят, заливается весна прозрачными слезами. Только бы дочка не была такой же плаксивой, как сама весна.

В природе — как в жизни, все бывает... Они с Тимошей сохранили свое счастье. Пронесли светлое чувство любви через все испытания. Оттого первая любовь только крепче стала. Счастье-то всегда силы прибавляет, пусть и дочке улыбнется в судьбе. Желанная моя дочурка. Как же тебя назвать? Какое имя тебе подарить? Оно должно быть красивым и звонким, чтоб за душу брало! Так и скажем пипке нашему.

Шла назад Екатерина горделиво, возвышенно. Выполнила бабушкин наказ: всегда бывать там, где светлые воспоминания силы прибавляют. То ли от пьянящего воздуха, то ли от избытка чувств, слегка закружилась голова. Она заторопилась.

Издалека увидела повозку деда Ефима: ну и дедушка, сдержал слово, не уехал!

Из-за поворота показалась лошадь. Она узнала Гнедого. «А вот и пипка наш едет!» — махнула с пригорка. В разукрашенной кошеве, погоняя лошадь, стоял Тимофей. Она видела, как,

поравнявшись с дедом, Тимофей глянул в сторону, куда дед показал. Крикнул: «тирру», бросил вожжи и побежал навстречу.

— Дорогие вы мои, милые... Ну, здравствуйте, родные! — крепко обнял жену. — А ну, держись за меня крепко!

Не успела Екатерина и слова вымолвить, как он подхватил ее на руки. Только и успела ойкнуть:

— Уронишь нас, сумасшедший! Отпусти!

Тимофей шагнул два шага, и пасть не выдержал, провалился под ним.

— Не волнуйся, дойдем! — проваливаясь, он упрямо шел вперед. Весь раскрасневшийся, со взъерошенными волосами, он наконец выпустил ее из цепких рук на дорогу.

— Мне в радость подышать... — смущенно глянула на мужа.

— Что с вами сделаешь? Вас теперь двое! — засмеялся.

— Нас теперь трое!

Тимофей провел своей шершавой ладонью по ее щеке, глянул влюбленными глазами на жену. Притянул руки, держащие малышку, к себе, поднес к губам, согрел дыханием, поцеловал каждый пальчик. И тихо шепнул:

— Спасибо, Катенька! Спасибо, родная!

Она смотрела на него, вся сияя:

— Любуйся!

Тимофей осторожно взял на руки сверток. Екатерина приоткрыла уголок белоснежного покрывальца. Он глянул в просвет: «Мои золотые!» Усадил Катерину в кошеву, передал дочурку, укрыл их легким тулупчиком. Направил лошадь в сторону дома, подхлестнув Гнедого, заскочил в кошеву.

— Что ты напридумал? Зачем так разукрасил лошадь? В городе, что ли, заказывал?

— Сам изготовил. Чем вы у меня не королевы, а?! — подмигнул жене.

— Что в деревне скажут?..

— Скажут, что я пьян от любви! — засмеялся, счастливый. — Эге-гей! У меня дочь родилась! — закричал вдруг громко. — Слышите! Дочь!

— Тише ты!

— Заждались вас все! — наклонился он, поправляя тулуп. Повела бровью Екатерина:

— А мы теперь духом крепенькие, — наклонилась к ребенку.

— Как не испугалась, в лесок пошла? Подождала бы меня.

— Нет уж. У нас свои секреты, — и чуть погодя добавила: — Знаешь, а мы ведь живицы вкусили — березового молочка попробовали! Я ей капельку на губы положила. По-моему, ей понравилось! — заблестели глаза Екатерины.

— Слатенькие мои! В наших березках гуляли! Это ты хорошо придумала! — улыбнулся Екатерине.

— А как назовем ее? — хитровато спросила она.

— С родителями обговорим.

— Надо, чтоб по святцам подходило, — согласилась и вдруг ухватила за Тимофея: — Я уже загадала имя! Угадывай!

— Говори!

— Ты же сам сказал: «Весточка паша».

— Не томи!

— Вот — перед вами Ан-ге-ли-на Тимофеевна! — выговорила по слогам Екатерина. — Так и означает — «Вестница».

— Ух ты! Ангелочек, значит. Анге-е-лочка — дочка! — выдохнул он. — Хорошо звучит! Такая Вестница ко времени! Ну и умница ты у меня. Что ни придумаешь, все складно, — засмеялся Тимофей.

С этим и прибыли в дом.

— Ангелочка привезли! — поклонились родителям Екатерине и Тимофеем.

Зашумела родня, приветствуют молодых: «Добрую весть привезли. Коли все добром, можно и крестины устраивать!»

С тех пор так и растет Ангелочек в ласках и заботах родных. Быстро растет, как березка к солнцу тянется. А говорить станет — словно ручеек журчит, что к родимой речке бежит, торопится. И в глазах ее подснежники отражаются.

Переглянутся меж собой молодые — заулыбаются. Кому как не им дано знать, что Ангелинка — от весны-красны соком любимых берез напоена.

Папенькина дочка

Аленку всегда звали папенькиной дочкой. И она была рада этому. Только одного не могла понять: почему мать, когда на нее рассердится, то кричит: «Ух, отцовская порода». А сестра матери подтверждает: «Вылитая, молча своего добивается».

Так и закрепилось за ней: на ту родню похожа. И с мнением Аленки, что не бывает в родне плохих людей, никто не считался.

«Почему мама не понимает меня? Подумаешь, пол плохо вымыла. Каждый день мою. Десять раз скажет: «Мы раньше пожиком скоблили каждую досочку добела, а вы лепитесь!» Я не виновата, что у нас полы крашеные! Еще тряпкой ударила! Ничего не буду делать! Вот, Любку Эрадову мама никогда не ругает», — сердилась она.

Обида на мать вспыхнула с новой силой, как только взгляд ее упал на половую тряпку, что сушилась на заборе. В последнее время отношения Аленки с матерью совсем испортились. В чем она виновата перед ней? Отчего мать, недовольная дочерью, при каждом случае упрекает ее сходством с отцом? Это должно радовать всех! А она? Теперь Аленка пазло маме и лельке еще больше хотела походить на папу и папину родню! А пусть знает! Почему только дочь матери не в радость? Разве она не дочь своих родителей? Может, так? Что-то в этом есть...

И она решилась досадить матери: пусть поймет, что умеет Аленка постоять за себя и за папу.

Она подошла к матери, когда та уже успокоилась, и злорадно, с ехидством заявила:

— Я знаю, мамочка, почему ты так меня ненавидишь! Скажи, за что ты меня не любишь? Что я тебе сделала такого? Больше я не твоя дочь, а только папина!

— Что? — от неожиданности мать выронила чашку, которая со звоном раскололась на мелкие части и разлетелась по кухне. Елизавета Сергеевна давно забыла, что накричала на дочь.

А Аленка по лицу матери вдруг поняла, что спросила что-то невероятно ужасное. И испугалась сама. Она растерялась и вместо того, чтобы быстрее убежать, как задумала, остановилась будто вкопанная. Но — слово не воробей.

Мать собирала с полу осколки. Говорила тихо, спокойно, будто сама с собой. Но Алена отчетливо понимала, что дается ей это с трудом.

— Папенькина говоришь? За что я тебя... я тебя не люблю? — с укором посмотрела на дочь. В глазах ее была какая-то отрешенность и скорбь.

Аленке стало жалко мать. И она уже хотела извиниться, как вдруг мать угрожающе бросила в сердцах:

— Ничего-то вы не знаете о своем отце! Ты спроси у отца, которого сильно любишь, отчего он люльку твою выбрасывал!

— Мою люльку? Ну, ты скажешь... — посмотрела на мать Аленка. И через минуту: — Почему? — переспросила она неуверенно, не до конца осознавая, о чем говорит мать.

— Да, вот и спроси у него, своего папочки.

Аленка вспыхнула как спичка:

— Ты врешь! Ты плохая! Я тебя не люблю! Ты нарочно так сказала, чтобы поссорить меня с папой! Я тебя ненавижу!

И тут мать ударила ее по щеке. Ударил дочь! Алена оцепенела на мгновение, вздрогнула. И слезы брызнули у нее из глаз. Она выбежала из дома.

«Значит, это правда, правда глаза колет! Ах, она еще ударила меня! Теперь я знаю, что она не любит меня! И зачем она так сказала?! Папа выбрасывал мою зыбку? Своей маленькой дочки?! За что? Неужели он тоже не любит меня? Значит, я была нелюбимым ребенком в семье?! У своих родителей? У отца и матери?»

Мысли лихорадочно роились в голове, а сердце стучало так гулко, будто над ухом у нее завели большой пружинный будильник.

Она скрытно ушла в сарай, залезла в стог — ее излюбленное место. Уткнулась в пахучее сухое сено. Дала волю слезам.

«Неправда! Неправда! Неправда! Ты это нарочно сказала, чтобы сделать мне больно! Я знаю, это неправда!

Я помню, когда была маленькой, папа ко мне хорошо относился! Он очень меня любил! И как папа из армии пришел, помню, мне только года три всего было. Он приехал на лодке. И на берегу его встречали всем селом. И все были счастливыми: и папина мама, и мамина мама, и вся паша родня деревенская. Конечно, самой счастливой в тот день были мама и я», — бормотала Аленка.

Перед глазами явственно предстали картины из раннего детства. Аленка вспоминала: вот отец со всеми поздоровался, кто-то хлопает его по плечу, потом все обнимаются, а вот он целует меня. Подбрасывает высоко вверх! Вот мы идем в гору. Одной рукой папа придерживает маму, обнимает и целует ее, а меня поддерживает другой рукой. Мы поднимаемся по земляным ступенькам, что ведут из-под горы в деревню. Гора крутая, ступенек много. И он берет меня под мышку, так, что ноги мои болтаются... Конечно, не очень приятно так висеть, но все же с папой... Он все время смотрит на маму, они смеются, а мне никак руками не дотянуться до папиного лица, чтобы повернуть к себе. Ну вот наконец-то гора преодолена, и меня отпустили на землю. А мне снова хочется к папе на плечи, как в первый раз, там, внизу у реки, и чтобы он только на меня смотрел...

Когда же он мог не любить меня? Это мама сказала пазло мне. Думает, что не помню? Неправда!

А вот еще случай был. Я тогда тоже маленькая была. Конечно, не в люльке, этого я не могу помнить. Но если не любил бы меня папа, разве стал бы хорошо относиться?

Я постоянно была рядом с папой и ходила за ним неотступно, по пятам. Мама сама называла меня папиной тенью. Он и в лес меня всегда брал. Короткие зимние дни мы проводили с ним на лыжах в сибирской тайге, любуясь природой, зимним солнышком, дарами сибирских лесов. Папа, как всегда, впереди на своих широких самодельных лыжах, а я позади — на своих маленьких, неуклюжих, еле успеваю за ним. Сколько радости, когда по папиной подсказке я нахожу спрятанные в зимних сугробах петельки, слонцы, каиканы. Сколько радости, когда мы возвращаемся из леса с добычей, а папин пояс увешан ею. Папа метко стреляет. Он с лету может попасть. А иногда идет долго-долго, я за ним следую, потом он говорит: замри! И я молчу, остановившись — не шелохнусь. А он уходит дальше, стреляет и приносит большую птицу, мы довольны — не с пустыми руками домой идем. Только однажды я вперед папы побежала и обнаружила в петле маленького живого зайчонка. Он попал в петлю и бился изо всех сил, к тому же лапу отморозил. Я позвала скорей папу, и он помог освободить зверька из петли. Мы гладили и отогревали зайчика. А зайчик взял и закрыл глаза. Папа сказал, что он нас испугался и от страха у нас на руках умер. Я всю дорогу плакала и уговаривала папу больше петли на зайчиков не ставить... Правда, после этого папа стал реже брать меня в лес.

Зато в доме у нас стала появляться живность: то живой зайчонок, которому требовалась помощь, то раненая утка

с утятами, даже карась, которого мы откармливали с ранней весны до поздней осени в большом чане с водой. Карась за лето подрос, и мы выпустили его в небольшое озерцо. Я знала, что папа для меня старается, — и была па «седьмом небе». Буквально повсюду следовала за ним. Папа мастерит, строгаёт, и я рядом молотком стучу. Он то и дело ко мне обращается: поддержи уголок, принеси доску, подай пилку, сходи за карандашом, давай посмотрим, ровно ли сделали. И я стремглав летела, выполняя все поручения папы. Даже язык прикусывала так, как папа делает, когда строгаёт... Один раз папа с мамой смеялись, довольные мной, и папа сказал: «Тебе, Аленка, надо было мальчишкой родиться!»

Уж не с рождения ли моего братишки все началось? Ох, и вреднющий Сережка... Досталось мне за него по первое число... А мама чуть что: «Мой Сережечка!..» Зато я какой крик из-за велосипеда подняла, когда только ему купили! Ну и было же тогда реву со слезами! Сережка уросит, меня не подпускает, а я рассердилась! Но все-таки пастояла па своем. Несмотря па упреки мамы, папа поступил справедливо: он сделал так, чтобы никому обидно не было. И купил мне велосипед! Моя мечта сбылась! А то, обещали-обещали, и па тебе — купили Серенькому! Это все мама... Я слышала, как она сказала папе: «Надо велосипед сыну купить, а дочери зачем? Она такая упрямая, вся в тебя, все равно па своем пастойт!» Ничего, себе: для любимого сыночка можно, а для меня?! Конечно, Сережка всегда мамин любимчик, зато я — папина!

Да, я как мальчишка! И считаю себя мальчишкой! Я закалялась, прыгала с высокого сарая в снег, как с парашютом, дралась с обидчиками, занималась самбо...

Зато папа доверил мне к о н я! Папа научил меня запрягать. Нашего коня зовут Мальчик, он невысокого роста, темно-коричневой масти. Папа говорил, что он из породы степных. Я читала в книге — это лошади Пржевальского. На конюшне от коня отказались, председатель сказал, что «больно крутого права», и хотел свести па бойню, а папа пожалел его и купил. Так он у нас появился, теперь — лощеный, ухоженный, с подстриженной гривой, красавец, а не копь. Такого бы па выставку! А в какие кошевы расписные запряжен! Папа своими руками ему дугу сделал. Мальчик понимает папину команду с полуслова. И меня слушает. На селе папу хвалят, говорят, все умеет. А когда увидели, как я коня запрягаю, папе сказали: «Ну, Семен, какая у тебя дочь! Вся в тебя, работающая! Вот, то-то и оно... Конечно, я очень желала быть парнем. Мама хотела, чтобы я с пей была, но мне с папой лучше, он сказал маме: пусть со

мной будет, она мне помогает! Правда, мама ему ответила, что папа мечтал о сыне, а с Сергеем не занимается. А родилась я первая! Что тут плохого? Разве только из-за этого среди девчонок у меня почти нет верных друзей.

Ну их, слабаков. Другое дело, когда ты все умеешь и тобой восхищаются! То ли дело с мальчишками дружить! Они меня сразу понимают, педаром говорят: «Аленка — свой парень», никогда не обижают и тайны свои рассказывают. Едем по реке в школу — мальчишки моторную лодку вести доверяют. «Держи, Аленка. Мы девочек пойдем шугать». И на корме лодки с девочками развлекаются, анекдоты травят. А те уши развесят и болтают с ними.

Когда же случилось так, что мама возненавидела меня?

Аленка представила, как с восхищением глядела на маму, когда та, нарядившись, брала папу под руку, и они шли в клуб или в гости. Тогда она доставала мамины платья, туфли и тоже наряжалась. Все бы хорошо, если бы мама говорила спокойным голосом, как тетя Люся, ну, как городская: «Элизаветт Сиргевина!...» А походка вся из себя — м-м! А мама? «Ну-ка быстро, Аленка, давай за работу! Что я сказала!» Разве это интеллигентно — тряпкой по лицу? Нет, чтобы сказать по-хорошему, так она еще и дерется! Вот приедет папа, я все ему расскажу.

Да, мама такую пощечину закатит кому хочешь, будь здоров! Вон прошлым летом, когда я в пятый класс пошла, в деревню приехали студенты на практику. Там еще один парень все странно поглядывал на меня. И когда я шла по улице с братишкой, он пригласил меня в кино, но я отказалась... Дурочка я, что ли, без него дорогу в клуб не найду? А на следующее утро мама откуда-то узнала. Наверное, от Сережки. Хоть бы меня спросила! Что тут было! Она при всех рабочих ни за что тому парню по щекам падала... Как мне было потом смотреть сверстникам в глаза?... Ведь меня унизила. Ну почему она такая?!. Что с ней делать?

Аленка нашла запрятанную в сене свою любимую книжку и стала читать. Не заметила, как наступил вечер. Она проголодалась, но обида на мать не забылась. Что делать дальше? Еще раз подумала и решила, что извиняться перед матерью не будет, а отцу все расскажет, и потом вместе они порешают, как быть. С матерью не будет даже разговаривать. Аленка уверенно спустилась вниз по лестнице, вышла с сеновала и направилась в дом.

Зашла тихонько. В доме никого не было. На кухне схватила два пирожка и, не зажигая света, ушла в свою комнату. Вскоре стукнула дверь. Мать вошла сердитая.

— А ну, подойти сюда! — строго сказала она.

«Опять началось! И зачем я ушла с сеновала!» — с сожалением подумала Аленка, поднимаясь. Она поняла, что опять попала матери под горячую руку.

— Ты где целый день была? Что, вот так и просидела? — крикнула мать, указывая на книгу в руках дочери. — Корова мычит, не поена, не доена. Сена не подбросила! Дома беспорядок, ужин не приготовлен! А она целый день за книжкой просидела! Еще и на мать голос поднимать вздумала! Ах, ты такая...

Аленка не успела вымолвить даже слова. Да и какие могут быть разговоры, когда она действительно, кроме того, что полда посуду помыла, ничего не сделала. Вот и получила взбучку... Оправдываться нечем. Да, она обиделась на мать и читала книгу... Зато она почти забыла про свою обиду. Книга — это прекрасный мир, в котором много добра. Книга — это книга! Читаешь ее — и вместе с героями ты сражаешься на баррикадах, учишься смелости, побеждаешь врагов...

Как провинившаяся школьница перед учителем, стояла Аленка перед матерью, боясь проронить слово... Уж лучше молчать! Вдруг мать вырвала книгу у нее из рук и швырнула в только что затопленный камин... Аленка не сразу сообразила, что произошло. Закричала, попыталась открыть колечки на плите, но огонь только сильнее вспыхнул. Она бросилась вытаскивать, спасти свою бесценную книгу, но мать не подпускала ее к печке. Оттолкнув мать, Аленка прорвалась к камину, и ей удалось вытащить из огня полыхающую книгу. Она принялась голыми грязными руками сбивать пламя, колотила книжкой по своему платью, по деревянному полу, пока испуганная мать не залила остатки книги ковшиком воды. Вся в саже, в слезах, Аленка кричала на мать: «Ты пехорошая! Ты — злая! Ты самая-самая противная на всем белом свете! Я тебя не люблю! Я тебя ненавижу! Я к тетке уеду! Она справедливая!»

В этот момент она возненавидела мать. Как?! Сжечь ее любимую книжку! Аленка бредила своим героем Оводом, мать посягнула на самое главное, что у нее есть... Аленка была готова сражаться за правду, за идеалы, как он, Овод... А тут пришлось... Мать поступила так мерзко... От ее любимого героя, от ее книжки остались лишь хлопья...

«Замолчи!» — слышала в ответ. И, как удар грома среди ясного неба, прозвучали грозные слова матери: «Замолчи лучше! Ну и уезжай! Замолчи, или я тебя прокляну!»

Аленка не помнила, как выбежала из дому. Пришла в себя, когда оказалась в лесу. Окинула взглядом высокие ели и кедры, темной стеной окружившие ее, испугалась: как далеко

зашла в лес! Скверно чувствовать себя маленькой и незащищенной среди густого таежного бора. Что же делать? Домой — не вернусь!

Но страх переборол ее. Она заплакала навзрыд от бессилия и начала искать дорогу назад....

Приближался вечер. Скрипели заунывно деревья, раскачивались их могучие стволы, казалось, эти гиганты вот-вот схватят Аленку и поднимут высоко-высоко над землей... Мохнатые ветви будто гнали из лесу. «Куда? Куда же идти? Нет, ни за что не пойду домой! Пусть съедят меня злые волки или медведь задерет... Домой я больше не вернусь... Там я не нужна... Там меня не любят...» Она поняла, что заблудилась, упала в траву, прижалась к земле и закрыла глаза: будь что будет.

Прошло немного времени. Прохладная земля остудила пыл. Аленка снова принялась искать дорогу. Потом к ней пришла мысль о папе, и кто-то заговорил папиным голосом: «Алена, ты не могла далеко уйти. Всмотрись внимательно, лес тебе знаком». Аленка перестала вздыхать и вспомнила, что папа почти все места ей показал, и заблудиться она не может. Она знает лес. Когда успокоилась, огляделась, заметила — это же знакомое место: вот он, Покатый лог, где всегда она собирала голубицу. Здесь ее немного бывает, но она такая крупная, что четыре горсточки — и полная посудина. Голубица здесь особая, очень сладкая. Теперь Аленка знает, в какой стороне находится дом.

— Посмотри по деревьям. Как тебя папа учил! — сказала сама себе и, взглянув на одно, на другое дерево, быстро определилась, куда идти, уверенно подалась в сторону дома. Становились совсем темно и страшно. Наконец она увидела вдали деревенские избы, облегченно вздохнула. Решила подойти поближе.

Вспомнила про зеленый островок молодых елей и березняка — вот где можно спрятаться! И от дома недалеко: все видно и не страшно. Низко пригнувшись, пробралась внутрь на мягкое, мшистое местечко. Присела. Отсюда хорошо просматриваются огни деревни, освещенные окна родительского дома. Сидела так, уставившись в одну точку, поджав коленки и обняв руками ноги. Горькие мысли перемежались слезами. Разговаривала сама с собой.

Она решила убежать навсегда, не возвращаться больше домой. Но куда? В деревне, кроме детского сада, магазина, клуба да четырехклассной школы, и домов-то нет, нигде не скрыться. До следующей деревни не так далеко, но и там — к кому? Уехать бы, куда глаза глядят... На теплоход — кто ее пропустит без билета и денег? Высадят на первой же станции да еще в милицию сдадут... И как пройти на теплоход? Столько знакомых.

Тут же донесут родителям. А вдруг родители сами застанут ее у трапа теплохода?!

Вот если бы попасть на «Ракету», уходящую в Хманинск, оттуда до Тобска, а там — куда глаза глядят... Конечно, этот план не очень-то осуществим, но в запасе еще один — добираться пешком, дорогами вдоль реки, через все препятствия, до большого города и там затеряться... Менделеев вон, зимой, из наших мест один добрался на лошадях до самой Москвы... А тут летом. Может, я доберусь до папиной сестры. Трудно придется, но раз решила, то должна быть такой же сильной, как Овод, или как Том Сойер, или как...

Мысли вернули ее в дом. Как там и что будет, когда узнают, что убежала?... Сережку жаль, хоть он и противный, бестолковый малый, но еще многого не понимает и не со злости шкодничает и ябедничает матери. Кто за ним присмотрит? Обидит кто-нибудь, а защитить некому...

Папа с мамой будут переживать, мама не очень, а вот папа — сильно... Поймет тогда, что зря обижала... Как жить дальше? Может, вернуться домой, забыть все? Слезы снова навернулись на глаза. «Нет, домой не вернусь! Завтра проберусь на теплоход, приду к самому раннему рейсу. Если кто из знакомых увидит, то придется сказать, что в гости к тетке родители отправили. А ранним рейсом, может, и никто не увидит...»

Алена устроилась поудобнее на пушистом мху, под мягкими пихтовыми лапами-ветками. От земли потянуло прохладой, сыростью. Она слышала приглушенные звуки разговоров, лай собак, мычание коров, — затем все тише становилось в деревенской округе. Стихало, все готовилось ко сну. Ей стало жалко себя. Но ничего, только бы до утра продержаться... Ее не найдут, даже если будут искать: слишком густые заросли пихты, березняка, лиственницы и ели со всех сторон. Они образовали круг, спрятали надежно. Аленка облюбовала это место давно, они с Нинкой сначала приходили сюда, в свой «домик» играть в куклы. Это место только они знают. А потом уединялись, чтобы читать книжки, сочинять и записывать собственные стихи, а теперь вот...

Клонило в сон. Летняя ночь не грела, стало холодновато. Она дрожала, гусиная кожа выступила на руках и ногах, зуб на зуб не сходился. Аленка вспомнила про оленью шкуру, висевшую несколько лет на дереве. По-пластунски вылезла из-под густой елки. Нашла дерево, на котором висела шкура. С трудом стянула ее вниз, бросила на траву, стряхнула, перетащила к своему гнездышку, еле протолкнула между деревьями, расстелила и, свернувшись калачиком, заснула.

Проснулась она ночью. Ей приснилось, что мать зовет, кличет ее, но она все повторяет: нет-нет-нет, не вернусь домой. Немного погодя дрема совсем прошла. Ноги затекли. Растирая их руками, постепенно согрелась. Приклонилась к мягкой пахучей хвое и смотрела, не мигая, в небо. Там — другой мир. На небе, в темно-голубом пространстве живут люди и никогда не ссорятся. Там светло, просторно, уютно и — мягкая пуховая перина на кровати, с белыми шелковыми простынями. Все одеты в белые одежды. Все уважают друг друга. Разговаривают ласково, никогда не кричат. Кругом чистота, блеск. Все — как и должно быть на небе...

Начинало светать. В полудреме Аленка смахивала откуда-то появляющиеся слезы, вытирала, размазывала по щекам соленые капли... И боялась, как бы не проспять на теплоход...

Проснулась от прикосновения чьих-то рук. Мать гладила ее по волосам. Приговаривала:

— Алена, дочка, пойдем домой!

Она отпрянула. Да, это не сон — мать говорила с ней. Отдернулась в сторону:

— Нет! Нет! Нет!

— Алена, дочка! Выходи. Идем домой.

Аленка, как злой, голодный волчонок, поглядывала на мать, молчала и лихорадочно думала, как бы ей от нее убежать... Но одновременно стала прислушиваться, что говорит мать.

Мать уговаривала ее, но Аленка, подтянув под себя ноги, обхватила руками голову и глядела вниз, на зеленый мох, траву, не отвечала матери, будто ее и не было рядом.

— Пойдем домой, дочка! Перестань упрямиться.

Тут Аленка не выдержала и медленно произнесла:

— Я тебе больше не дочка. Я никому не нужна. Живите без меня. У меня больше нет дома. Лучше я буду здесь умирать.

Голос ее был тихим, почти неслышным, она сама удивилась, как замерзла: слова трудно было выговаривать.

Потом мать заплакала. Алеике не было жалко ее. «Притворяется», — подумала она.

— Не ищи меня. Ты ведь сама говорила, что я «отцовской породы». Я никому не нужна, все равно вы оба не любите меня. Нет, я не могу пойти домой!

Но потом сжалилась. Мать просила прощения у дочери. Мать плакала, как маленькая девчонка. И они зарыдали обе.

— Не говори так, дочка! Тебя все любят. Я ведь не со зла. Прости меня. Мне тоже несладко оттого, что ты не всегда меня слушаешь и не помогаешь, когда надо. А только все с папой да с папой, как будто меня и нет вовсе.

— Не зови, не пойду.

— Ты не простишь свою маму? Так и будешь жить со злом?

— Я простила. Но мне незачем жить с вами.

— Ты ошибаешься. Я признаюсь, что недостаточно внимательно была к тебе. Я думала, ты взрослая уже и не пуждаешься во внимании.

— Конечно. Твоя ласка — ударить по щеке и сжечь мою любимую книжку.

— Я куплю тебе, есть такая книга в магазине. И больше не подниму на тебя руку, дочка, — вздохнула мать. — Ты думаешь, я бесчувственная, ничего не понимаю. Мне от мамы еще как доставалось, не то что тебе. И я никогда не смела ей грубое слово сказать. Ты считаешь, я строга с тобой, ударила рукой. А меня знаешь, как били? Тебе и во сне не спилось. Я ведь с семи лет стала работать в колхозе. Война была. Голод. Кушать хочется, а нечего. У меня братик от голода умер. А однажды я принесла в кармане горсть зерна домой, чтоб братишки с сестрами с голоду не умерли, так мама меня чуть было не убила! Так била, так била, не ремнем отцовским, а цепью! И приговаривала: «Лучше умри, чем позор от людей вынести!» Она в колхозе председательствовала, и никому зернышка нельзя было взять, только на фронт. А я вот ее чуть было ее не опозорила...

— Цепью? Ты мне никогда не рассказывала...

— Разве об этом расскажешь?.. Да и случая не было. Ты не спрашивала.

— А потом что было?

— На маму я не сердилась. Я маме только спасибо сказала, что уму-разуму научила. Это до вас пальцем не коснись, неженки...

Аленке стало жаль маму. Она погладила ее по голове:

— Не сердись на меня. Мы больше не будем с тобой ругаться, да?

Они обнялись и, утирая слезы друг другу, пошли домой.

А утром Алена не поднялась. Она не знала, что с ней, просто не было сил пошевелиться.

И когда местная врачиха заставила встать с постели, Алена вдруг поняла, что ничего не видит вокруг. Ни дня, ни ночи. Ни врачихи, ни мамы. Была чернота. Она попыталась раскрыть глаза шире. Ничего не изменилось.

— Алена, ты что? Ты плохо видишь меня? — с испугом спросила где-то рядом мама.

— Да нет, все нормально, — опустила она голову.

Алена не поднялась ни позавтра, ни на следующий день. Сколько проспала, пробыла в забытии, не помнит, не знает. Целую неделю мать поила и кормила ее с ложечки.

В один прекрасный день, будто откуда-то из тумана, Алена увидела перед собой склоненное лицо. Ей что-то говорили. Алена различила мать. Она была такой красивой, улыбающейся и радостной!

Тогда Алена прошептала:

— Какая ты красивая, мама!

— Что, что ты сказала, дочка? — наклонила мать ухо к губам дочери.

Она повторила:

— Ты очень красивая. Я не видела такой тебя никогда.

— Аленочка! Ты не бредишь? — сквозь слезы переспросила мать. — Какая я красивая?

— Ну, ты такая молодая, брови черные, волосы кудрявые...

— Ну, слава Богу, а я уже подумала... Лучше, значит, тебе... Родненькая моя дочечка! Что я отцу скажу, как отчитаюсь за тебя перед ним? Папа наш завтра приезжает. Как я в глаза ему смотреть буду! — зарыдала она. — Ты права, моя доченька, отец твой хороший, он очень любит тебя, я так не умею. Ты — папенькина дочка. Не зря все тебя в деревне так называют. И я тебя тоже очень люблю. Прости свою маму.

— Не плачь, мама. Я знаю, что я — папина дочка.

— Ты хочешь, чтоб я ушла из дома? Я знаю, что плохо поступила. Больше никогда не буду так делать, — утирала мать слезы.

— Мама, это ты прости меня. Давай забудем все. Обещай, что папе ничего не скажешь? Я не хочу. Ты знаешь, я тебя очень люблю.

— Выздоровливай быстрее. Дай, я тебя поцелую, моя единственная, родненькая, — наклонилась к ней мама.

Вскоре Алена выздоровела. С той поры дружба дочери с матерью стала крепкой и долговечной. Они обе научились ценить друг друга. Не разорвалась топкая нить взаимоотношений. И вы — любите и берегите друг друга всегда.

Письма памяти

ережно прикасаюсь к драгоценным, пожелтевшим от времени бумагам. Это бабушкины секреты. Она хранила их много лет. Все в целости и сохранности. Свернуты в колечко, обвязаны красной тряпочкой.

В них — документы бабушкиного времени. Эти ценнейшие источники накарябаны детской рукой. Вот здесь почерк получше, это класс третий или даже четвертый, вот я шестиклассница, а это в педагогическом... Спасибо тебе, родная моя, дорогая моя бабушка, за то, что сохранила мои закорючки, мои детские письма, что выводила с твоей помощью.

Передавая их однажды из рук своих в мои, как-то легко и просто сказала: «Твоя писака-то, потом пригодится, сбереги, сыну покажешь. Годы быстро пролетят, глянешь-почитаешь, авось что-то умное в голову придет. А может, и меня когда с правнучком вспомните...а-а? Хм-хм-х...»

Я переспросила: почему с правнучком? Она посмотрела на меня долгим, особым взглядом и сказала с улыбкой: «Так я думаю. Сына родишь».

Такой и запечатлелась моя бабушка-пророчица.

Долго же у меня не было времени обнаружить сверток. Забыла напрочь в толчее бытий. Бабушки много лет нет рядом... Совсем случайно наткнулась на этот свиток, когда после ремонта уборкой занялась... Искала дедушкину фотографию, чтобы обновить да в день Победы поставить в рамку... Увидела старые, потертые листы, завернутые в рулон, и бросила в коробку из-под мусора. Тут же схватила и развернула. А потом удивилась: как почувствовала, схватила.

Это все, что осталось из бабушкиного драгоценного сундука памяти. Низкий тебе поклон, родная...

Скрупулезно разбираю выцветшие печатные буквы и слова, написанные карандашом и чернилами — ручкой со школьным пером...

Вот мои каракули на листе и бабушкин почерк:

Дорогой дедушка! Здравствуй! Ты меня не знаешь. Пишет тебе бабушка. Это я ей сказала. А мне сказала наша учительница. Ее зовут Альбина Федоровна. В школу я хожу просто так. Мне разрешили ходить и сидеть за партой. Я поднимаю руку. И умею отвечать учительнице. Только она мало меня спрашивает. Я обижаюсь и ухожу, когда захочу. А завтра опять прихожу. И меня много спрашивают. Скоро мы выучим буквы. И будем писать письма фронтовикам. И всем, кто был в армии. Альбина Федоровна сказала, чтобы я училась писать письма тебе, дедушка. Я сначала не знала, что ты у меня есть. Она спрашивает: «Ты знаешь свою бабушку?» — «Конечно, ведь она меня в школу отпускает». — «А своего дедушку?» Я сказала, что дедушки у меня никакого нет, что мне не надо учиться писать письма, у меня дома мама и папа. Она сказала: «Дедушка у всех есть. Спроси у бабушки». Я так и сделала. Но бабушка почему-то долго плакала, потом долго вздыхала. Так я узнала, что у меня есть ты, дедушка. Теперь я тебе буду писать письма. А ты мне, хорошо? Мы будем тебя искать. Ну, до свидания. Твоя внучка. И твоя бабушка.

*

Дорогой дедушка! Это опять я. Пиши быстрее.

Скоро мне будет семь лет. На другой год я пойду учиться. Я знаю, что ты где-то есть. Я тебя еще не нашла. Мне надо выучить карту круглую, которая вертится, называется глобус, и тебя искать. А она очень большая. Там много морей. И есть наша деревня — маленькая точка. Где тебя искать, я еще не знаю. Я буду тебе писать. Твоя внучка Аля. До свидания. Письмо бабушка тебе отправит сама.

*

Почему ты не пишешь, дедушка?

Бабушка мне про тебя все-все говорит. А я тебя не видела ни капельки. И соскучилась. Все. Потом напишу.

*

Здравствуй, дорогой дедушка! В первых строках своего письма тороплюсь сказать тебе, а бабушка напишет моей рукой, что я тебя очень, очень люблю. Письмо твое я не получила. Ты у меня один дедушка. А у Кольки целых три! Я хочу, чтобы ты быстрее к нам приехал. На карточке ты сердитый и не улыбаешься, но бабушка говорит, что ты добрый и глаза у тебя добрые и я тебя люблю. Я тебя и так люблю. Только

вот бабушка часто плачет, как писать тебе начинаем, а говорит, что от лука слеза соленая льется. Но я знаю, она как на карточку посмотрит, потом долго платком глаза вытирает. Говорит, скоро мы тебя обязательно увидим. Вот только сначала мне надо вырасти. Так бабушка говорит. Если ты не можешь приехать, то мы с бабушкой к тебе обязательно приедем. Все. Мы тебя целуем.

Жду ответа, как соловей лета.

*

Дорогой дедушка! У нас в деревне был праздник! В деревне два дня гуляли. Нашелся Валькин дедушка! Нашей соседки по дому. Бабушка сказала, ты его знаешь. Он позднее тебя уходил на войну. Он был в далекой стране. Они тоже долго писали-писали и вот нашли. Он сильно болел, был раненым, ему плохо стало с головой, и он не помнил ничего. Его люди нашли. И вылечили. Вот он и приезжал в деревню. На пиджаке у него много орденов и медалей. Всего два дня в деревне побыл, потом тетю Клаву свою забрал и уехал. Валька не поехала. А тетя Клава сказала, что помирать с ним поехала. Они будут жить теперь в Москве. Зачем ей помирать?! Мы о тебе долго спрашивали. Он тоже, как ты, был разведчиком. Но он тебя ни разу не видел. Приезжай, дедушка, быстрее. У меня уже братик появился, и мама назвала его в честь тебя. Мы с бабушкой знаем, что ты обязательно вернешься.

От всех нас тебе привет. Пока. Твоя бабушка, мама и внучка Аля.

*

Дорогой дедушка! Как я по тебе скучаю! Когда уже ты приедешь? Я учусь во втором классе. Сегодня я тебя огорчу. Мне поставили двойку и вывели из класса. Это потому, что я не захотела отвечать про войну и где ты погиб...

Я сказала, что ты живой. Ты просто забыл, из какой деревни и как твоя фамилия. И я никому не разрешу говорить, что ты погиб на войне. А Кольку я правильно кулаком в нос стукнула, пусть не лезет и не хвалится. У него много дедушек, а ты у меня один. Пусть не задается. Дедушка! Я ведь и правда ничего о тебе не знаю. Где ты? Как ты воевал, где воевал, как там, на войне? Что про нас думал, хоть меня тогда и не было, но все равно, о бабушке, о маме, о лельке Фае, я ее крестница, и о своих сыновьях дяде Володе, дяде Феде. Бабушка сказала, что было у вас семеро детей, только во время войны от голода и болезней трое умерли.

Где ты, дедушка?! Может, ты не хочешь к нам возвращаться, тогда мы к тебе приедем. Только скажи — где ты?

А двойку я исправлю. Твоя внучка Аля.

*

Здравствуй, дорогой и горячо любимый дедушка! Я все равно люблю тебя больше всех. И больше мамы и папы, и брата, из-за которого мне часто попадает. Я люблю тебя и еще бабушку. Вчера был День Победы. Мы все несли венки к памятнику. Я и баба Тася принесли на могилу воинов букет желтых первоцветов. А потом бабушка обняла памятник и долго лежала так, пока я ее не утянула домой. Дорогой дедушка, когда же напишешь мне? Я очень жду от тебя письма. Целую тебя крепко. Твоя внучка Аля.

*

Дорогой дедушка! Сегодня бабушка раскрыла мне страшную тайну. Она достала из большого зеленого сундука, обитого железными полосами, тряпицу, в которую была завернута маленькая бумажка. И прочитала мне. И мы с бабушкой плакали потом. В ней написано, что ты «геройски погиб, защищая Родину, без вести». Дорогой дедушка, мы тебя очень любим и не верим этой бумажке. Бабушка сказала, они не написали, где ты погиб, значит, ты жив. Ты живой. Я в это верю. И мы тебя обязательно найдем. Я даю тебе честное октябратское. Крепко целуем тебя. Твоя внучка и твоя бабушка.

*

Здравствуй, дорогой мой и любимый дедушка! Извини, что долго не писала твоя нерадивая внучка. Почерк у меня еще не очень красивый. Мы уехали из деревни и теперь живем в деревне Сотниково Тюменской области. Мама и папа работают на рыбозаводе. Я учусь в четвертом классе. На уроке мы знакомились с Ферганой, и Ангелина Петровна, моя любимая учительница, предложила написать туда письма. Мы написали всем классом и решили отправить маленьким детям свои книги, у них не на что учиться. Скоро мы вышлем посылку. Там стоит жара и не бывает зимы, не как у нас, в Сибири. А я еще им написала о тебе. Ангелина Петровна мне поможет найти тебя.

Еще одно письмо послала на радио. В большом городе Ленинграде есть музей, который рассказывал о сибирских дивизиях, о встрече советских солдат в музее. Только я не услышала адрес и отправила письмо на радио. Я никому не сказала про письмо, вдруг оно не дойдет. С нетерпением жду ответа.

Вот и все, дедушка. В школу на следующий год я буду ходить за три километра, научусь ездить на моторной лодке и потом поеду искать тебя в большие города. Так ищут в экспедициях. Целую. Твоя Аленка.

*

Дедушка! Дедушка! Как хорошо, что ты у меня есть! Наконец-то свершилось! Я получила письмо! Теперь осталось немного, чтобы найти тебя. Правда, бабушка часто болеет, но я обязательно найду тебя! Вызывают меня к директору сегодня. Я, конечно, струсилa. Думаю, ругать будут, еще вдруг из школы выгонят. Хотя мальчишки обещали никому не говорить! Вчера, когда мы в школу ехали, они меня учили стрелять. Только я вместо того, чтобы в дерево целиться, попала в лодку, что на берег была вытащена. Сами виноваты, сказали, кто в цель попадет, тому еще дадут пострелять. Но, дедушка; меня никто не ругал! Директор спрашивает меня: «Ты письмо писала в Ленинград?» Я от страха не пойму, в чем дело. А он отдает мне в руки письмо, говорит: «Тебе пришло! Бери!»

Ура, как я счастлива! Письмо мое получили в музее! Они нашли человека, который занимается поиском фронтовиков. И он ответит мне. А написали они на школу потому, что чернила размазались, и не могли прочитать мой адрес. По штемпелю написали на школу. Вот. Хоть я и не марала письмо, за что мне обидно, но главное, скоро мне ответят! Дорогой дедушка! Находишься быстрее, я верю, что ты жив!

*

Здравствуй, мой дедушка! Этим летом мы с мамой, папой и двумя моими братьями гостили у бабушки и у тети Фаи в Тобольске. Бабушка стала сгибаться, ходить хочет с палочкой. Я ей говорю, что спину можно выпрямить, но она не соглашается, так что придется мне ехать к тебе одной. Мы привезли ей письма от человека, с которым я переписывалась. Читали письма все вместе. Все твои дети приехали. Все собрались вокруг письма и несколько раз перечитывали. Бабушка не выпускала письмо из рук, долго гладила. Потом все разговаривали. Взрослые за тебя поднимали тост. И у всех были слезы. А еще говорили мне спасибо, и бабушка целовала меня, как маленькую. Но мне совсем не очень радостно. Я все равно верю, что ты не погиб. Хотя мы уже знаем, что твоя братская могила находится в Ленинградской области, ты защищал Синявинские высоты. Но пока я не увижу твою фамилию, не могу этому поверить. Бабушка просила, чтобы я еще узнала

о тебе что-нибудь. Мама и я будем переписываться со школой, которая ведет розыскную работу. Пока меня не отпускают одну в Ленинград. Все вместе договорились, как только соберем деньги на дорогу, обязательно поедем в Ленинград. Бабушка говорит: «Наконец-то я дождалась тебя, моего дорогого Сергея! Теперь останется съездить к тебе на могилку и можно умирать...» Нет, я не хочу этого, нет! Нет! До свидания, дорогой дедушка. Это была с тобой я, твоя внучка.

*

Дедушка! Я учусь в Тобольском педагогическом училище. Скоро я буду работать учительницей в начальной школе. А еще я пишу в школьную газету и сотрудничаю с местной городской газетой. Это мне помогает искать твоих однополчан. Нынче летом на твоей братской могиле побывали твой младший сын Федор с женой Еленой и двумя дочерьми, моя лелька Фая с дочерью Людой. Собираемся ехать и мы. Бабушка надеется, что я окончу педучилище и мы вместе приедем к тебе.

*

Дорогой дедушка! Я поздравляю тебя с правнуком. Моего сына звать Андрей. Он самый дорогой мне человек. И похож на тебя. Эх, если бы ты увидел его, порадовался за меня. Он очень хороший, мой любимый сынок.

Жаль, что бабушка уже не сможет приехать к тебе. Она призналась мне, что сил ее не хватит: сердце может не выдержать. И сказала, чтобы яехала одна. «Вы там, — произнесла она грустно, — а я будто с вами рядом у могилки стою. Я с ним обязательно встречусь. И на том свете обязательно... все равно рядом будем...»

Что тут скажешь? Теперь я поздравляю ее с ленинградской битвой и Днем Победы всегда. Знаю, она ждет моих телеграмм.

*

Дорогой дедушка! Вот мы с мамой, папой и братьями и побывали на твоей братской могиле. Встретились с тобой. Потрогали выбитые в граните золотые буквы твоей — нашей фамилии. Возложили цветы. Прибрали могилку. Разделили трапезу с тобой. Встретились со школьниками. С ветеранами. Но пока не нашли, кто мог бы хоть что-то рассказать о тебе. Мама сильно плакала. Папа тоже. И я. Мама все повторяла: «Аля, дочка, это ведь мой папа, мой папа. Я его так ждала. Хоть и была маленькой, я его хорошо помню. Он меня так любил, так любил...»

Дорогой, милый дедушка! Вдруг все-таки случится чудо — и ты вернешься! Знай, мы всю жизнь всегда будем тебя ждать, всю жизнь.

*

Дорогой мой дедушка Сергей! Мой брат Василий учится в Выборгском летном училище. Это ближе к тебе. У него есть невеста. И скоро будет свадьба. Средний брат уже окончил это же училище. Они бывают на твоей могиле. Мы тебя никогда не оставим одного.

Только вот, дорогой дедушка, должна сообщить тебе горестную весть. Не стало моей любимой бабушки — моя бабушка умерла. Я никак не могу с этим смириться. Никак... Уже год прошел. Она говорила, что ты теперь не один, а вы вместе, вы встретились.

На прощание она мне сказала: «Теперь душа моя будет спокойна: я дождалась своего Сергея. Наши души теперь вместе. Есть любовь на свете, внучка. Есть. Верь в нее. Надо быть верным любимому человеку всю жизнь. И вы помните нас...»

Как мне тяжело без вас, мои дорогие, как тяжело... Как много я не успела узнать от тебя, бабушка! Хорошо хоть, правнука своего, сына моего Андрея, ты запомнила и успела понянчить...

Ваша любимая внучка Альбина.

Я целую выцветшие строчки, написанные на школьном тетрадном листке. Мои детские каракули, исправленные бабушкиной рукой. Никогда не думала, что обычная бумага может быть так дорога сердцу.

Так хочется еще поговорить с вами, поделиться новостями. Ведь у меня появилась внучка. Любопытная, улыбчивая ваша праправнучка пытается разглядеть, что это за влага у меня на лице... Я постараюсь вложить в нее душу, которой одарили меня вы, родные. Непрерывны времена. Будто заново повторяются в поворожденной дочь и мать, бабушка и внучка...

*

Дорогие мои дедушка и бабушка! Я помню и люблю вас!

Родной деревни, где ты, дедушка, был председателем и откуда, передав все дела жене Анастасии Николаевне и своим детям, уходил на войну, уже нет на карте... Но в городе, где формировалась дивизия, вылиты в граните на мемориале золотые буквы твоего имени. В книге Памяти есть родная всем нам фамилия. Есть и улица твоего имени.

Дорогие мои, мы сохраним вечную о вас память. Мы любим вас всегда. Мне бы еще чего-нибудь узнать...

Надеюсь на встречу с теми, кто знает что-нибудь о герое-разведчике, артиллеристе Сергее Петровиче Захарове — солдате из Сибирской дивизии второго Белорусского фронта, защищавшей подступы к Ленинграду.

Прошу: отзовитесь, кто может хоть каплю рассказать о моем дедушке! Я жду. Мне надо успеть обо всем поведать его праправнучке.

Все ли я сделала, чтобы сохранить память? — извечный вопрос. И на него нет ответа, но не истечет ключевая вода в ручье памяти...

Содержание

Об авторе. <i>М. Анисимкова</i>	4
К моим читателям	5
И свет звезды далекой	6
Вазелиновая баночка	10
Главный лесничий	16
Борька-остяк	23
Дед Захарий и табакерка	33
Фенины лапти	41
Два Сергея	44
Живица	52
Паненькина дочка	60
Письма памяти	71

Кузьмина А.С.
К93 Главный лесничий: Рассказы / Ил. Курач Н.Г. — Екатеринбург:
Издательский дом «Пакрус», 2001. — 80 с + 4 с. ил.

ISBN 5-901214-30-7

Первую книгу нижевартовского автора составили рассказы, написанные в разные годы. Они родились из личных воспоминаний и переживаний. Оттого так проникновенно и трепетно относится автор к своим героям, поэтому так бережно хранит те добрые чувства, что дороги каждому.

Родительская любовь и дочерняя привязанность, первая влюбленность и урок нравственности, преподанный в раннем детстве, счастье от общения с природой — вот темы, затронутые Альбиной Кузьминой, и рассказывает она об этом несуетно и негромко, но очень искренно.

ББК 84Р7

Кузьмина Альбина Семёновна
ГЛАВНЫЙ ЛЕСНИЧИЙ
Рассказы

Редактор *Е. В. Черняк*
Художник *Н. Г. Курач*
Художественный редактор *В. С. Солдатов*
Корректор *М. Ф. Худякова*
Верстка и предпечатная подготовка *С. Б. Григорьевой*

ISBN 5-901214-30-7

Сдано в набор 25.10.2001.
Подписано в печать 22.11.2001.
Формат 60х90/16. Гарнитура Peterburg.
Офсетная печать. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 4,2. Тираж 1000 экз. Заказ № 515.
Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 071939, выдана 14.07.99.

ООО «Издательский дом «ПАКРУС»
Представительства Ассоциации книгоиздателей России
по Уралу и Сибири
620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24.

Отпечатано в полном соответствии
с предоставленными диапозитивами
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

X

73292004

Окружная библиотека

Екатеринбург
Издательский дом “ПАКРУС”
2001